

Александр Андреев
Максим Андреев

Э С Е Р Ы

Борис Савинков
против Империи

Империя, которая сама себя высекла?

Александр Андреев

**Эсеры. Борис Савинков
против Империи**

«Автор»

2014

Андреев А. Р.

Эсеры. Борис Савинков против Империи / А. Р. Андреев — «Автор», 2014 — (Империя, которая сама себя высекла?)

...Пройдет совсем немного времени после отчаянной борьбы Исполнительного Комитета “Народной воли” с самодержавием, и у миллионов подданных появится привычка к убийствам, организованная монархией. В Империи начнется война всех против всех, а потом одних против всех, а потом одного против всех, а потом почти всем, кто остался в живых, станет все равно, и это будет продолжаться множество лет почти до конца XX столетия российской истории. В начале XX века судороги издыхающей Империи сменяются конвульсиями, но никто ее не пожалеет и никто не спасет. Мы проваливаемся в прошлое и видим, как морозным днем 4 февраля 1905 года в набитом полицейскими Кремле одиноко мерзнет член Боевой Организации Партии социалистов-революционеров Иван Каляев. У него в руке небольшая коробка, в которой обычно боевики носят бомбы. Совсем скоро мимо Ивана должна проехать карета с московским генерал-губернатором и императорским дядей. Ваня, поэт, знает, что кидать бомбу надо с четырех шагов, чтобы карету разнесло наверняка. Вот и карета, и сатрап в ней, кажется, наконец, один. Карета все ближе и ближе и полицейские снимают шапки и кланяются всемогущему. Каляев начинает считать остающиеся до нее метры. Он не может промахнуться, поэт мечтал об этих секундах всю свою жизнь. Осталось двадцать, пятнадцать, десять, пять метров. Все. Началось.”Эсеры” – продолжение серии Александра и Максима Андреевых “Империя, которая сама себя высекла?” Начало – в книге “Народовольцы”, помещенной на странице авторов, окончание – в книге “Большевики”, которая будет опубликована на сайте Litres.ru через несколько месяцев.

© Андреев А. Р., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Вы же сами этого очень хотели!	6
Победоносцев над Россией простер совиные крыла	9
Серое время и смена караула	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Андреев, Максим Андреевы Эсеры. Борис Савинков против Империи

Вы же сами этого очень хотели!

Министр внутренних дел империи орал на подчиненных. Над огромной страной уже много лет стоял ор. Заходились и надрывались в крике большие и малые начальники, или те, кто очень хотели ими казаться. Когда у человека нет нравственного стресса и культура ниже низшего предела, всегда хочется орать.

Министр орал потому, что жандармы и полицейские в который раз халатно отнеслись к своим служебным обязанностям. Сатрапная сволочь должна была еженедельно проверять больницы империи, в которые поступали больные легочным туберкулезом, чахоткой. Ей болели многие революционеры, быстро зарабатывая чахотку в равелинах, казематах, на каторге и в ссылке, с помощью заботливого тюремного начальства. Медицинскую помощь в империи большинству подданных оказывали никак, и бежавшие из сибирских и северных тюрем больные борцы с самодержавием могли обратиться за помощью только к знакомым врачам или в больницы больших городов. Вместе с докторами их должны были везде, всегда, опять и снова и навсегда встречать жандармы.

В этот раз министр волновался не зря, хотя и не знал об этом, а только интуитивно догадывался. В одной из столичных больниц у известного пульмонолога несколько дней проходил курс лечения от чахотки настоящий гроза империи, вместе с товарищами по оружию создавший страшную Боевую Организацию Партии социалистов-революционеров, поднявшей грозное знамя «Народной воли» и объявившей себя ее наследницей. Министр приказал разослать во все охранные отделения и жандармские управления империи розыскные листы на этого человека. Он никак не мог вспомнить настоящую фамилию этого политического преступника из тайной организации, членов которой все чаще и чаще называли эсерами. Адъютант услужливо подсказал – Гершуни. Помощник главного имперского министра внутренних дел, конечно, не знал и никогда не мог даже предположить, что совсем скоро боевики этого Гершуни прямо в лоб застрелят его высокого начальника прямо в здании знаменитого Государственного Совета Российской империи и подобные террористические акты быстро станут доброй эсеровской традицией.

Благодаря своей бесребническо-аскетической и отчаянно-отрешенной жизни, и, конечно, благодаря забавам властей, члены исполнительного Комитета «Народной воли» в конце XIX столетия стали идеалами настоящих людей и критерием чести и достоинства у многочисленной либеральной, оппозиционной и революционной молодежи империи. Рабочие уже почти сотен фабрик и заводов, студенты десятков университетов и институтов, журналисты и литераторы уже несколько лет спрашивали друг друга – кто поднимет залитое кровью боевое знамя «Народной воли» и под ним атакует монархию? В начале XX столетия они дождались ответа. С новым годом и с новым веком самодержавие поздравили новые революционные партии. В империи под грозное эхо «Народной воли» в атаку на монархию пошли социалисты-революционеры, анархисты и социал-демократы. Теперь это были опасные до жути и дрожи в коленках и неустрашимые до самозабвения профессиональные революционеры, не разговаривавшие с монархией, а просто стрелявшие в нее часто и много. И имя теперь им было легион.

Во время правления Александра III с 1881 года в первую очередь начались гонения на писателей и журналистов, чье творчество и деятельность всегда оставалась почти единственной

трибуной имперского общества. Полосу 80-х и 90-х годов называли сумеречной и хмурой, как книги великого Антона Чехова «В сумерках» и «Хмурые люди». Великий Лев Толстой назвал эпоху Александра III безвременьем и заявил, что «Так жить нельзя!» он писал, почему над Москвой все время гудят гудки фабрик и заводов. У рабочих не было часов и гудки сообщали и приказывали им, как жить – в пять часов утра за заводской станок, в восемь часовой перерыв, работа до двенадцати, обед, потом работа до четырех часов вечера, затем в подвал. Так, как думал и на всю империю говорил Лев Толстой, которого называли духовным царем России, думали многие и многие подданные. Он называл самодержавие «возрастающим злом, совершаемым в организованной форме, с помощью закона, безнаказанным, и поэтому считающим себя добром», а зависимых от монархии людей «несчастливыми, несчастье которых не во внешних условиях, а во в них самих». Толстой писал, что у народа почти исчез инстинкт самосохранения и необходимо срочно изменить мироощущение каждого человека. Антон Чехов говорил, что надо по капле выдавливать из себя раба, и заявлял, что «одно лишь убеждение, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, может послужить материалом для пяти томов», а время Александра III считал «больным». Максим Горький ставший зеркалом эпохи, сказал, что «не знает в русской истории момента более тяжелого, чем этот». Не выдержал известнейший юрист и чиновник Анатолий Кони: «Всем самовольно и совершенно бесконтрольно управляют министры, случайные люди, без заслуг в прошлом, без достоинств в настоящем. Картина не привлекательная и ничего не обещающая в будущем. Безумнейшие и подлейшие деяния, лицемерие всех и фраза, фраза, фраза. Люди новой формации получали звания сенаторов за услужливость и почтительность. Они приносили с собой крайнюю узость взглядов, буквоедство и черствость. Мне приходилось сталкиваться то с безмерным самолюбием и самомнением, то с бездушием, то с коварством, то с двуличием, то с откровенной подлостью. Мы живем в серое время. Серые лишённые оригинальности люди действуют вокруг нас и своей массой затирают выдающихся людей. Остывшие в своем своекорыстии чиновники и пустые болтуны рассуждают об углероде и кислороде, когда в окне пожар. Мы переживаем странное и страшное время. Общество вырывается из пеленок, в которых его насильственно держали многие годы, усыпляя его ум и атрофируя в нем чувство собственного достоинства. Но, вырываясь, оно хочет сразу бегать, еще не умея не только ходить, но даже стоять на ногах».

Когда вражда между монархией и миллионами подданных перешла в кровавую резню, ее суть опять и опять выразил Лев Толстой, статью которого «Не могу молчать» в 1908 году перепечатали сотни европейских и американских газет, но совсем не российских:

«Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильно, одна в Одессе.

И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни. Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год не перестающие казни, казни, казни.

Нельзя так жить. Я, по крайней мере, так жить не могу и не буду.

Я буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России, и вне ее, чтобы, одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась бы моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы».

В 1910 году Анатолий Кони писал о деятельности подавлявшего первую русскую революцию председателя Кабинета министров империи Петра Столыпина: «Действия Столыпина не только незаконны, не только компрометируют царя, но просто глупы, ввиду своих неудачных последствий. Это правительство использует одну статью закона для того, чтобы обойти другую, и создает соблазнительный пример для всех граждан государства».

В строящихся и строившихся тюрьмах умирали и умирали люди, опасные для самодержавия. Вера Фигнер писала о том, как сходил с ума в шлиссельбургских застенках один из руководителей Военной организации «Народной воли» Николай Похитонов:

«Все население тюрьмы, измученное проявлениями болезни Похитонова, скоро пришло в крайне нервное состояние. Все ждали, что вот-вот сам он сделает что-нибудь непоправимое или с ним сделают что-нибудь ужасное.

Дальнейшее пребывание Похитонова в общей тюрьме стало казаться невыносимым даже для самой жандармерии. Болезнь прогрессировала: мания величия, революционный бред, припадки буйства и стремление к самоубийству переплелись в самую острую угрожающую форму сумасшествия, когда для обуздания припадков уже нельзя было не прибегать к физической силе. Ему мучили галлюцинации, и он делал беспрестанные попытки к самоубийству, требовавшие неусыпного надзора. Он то пел псалмы, то неистово кричал и впадал в буйство, то умолял разmozжить ему голову. Он перестал осмысливать окружающее, речь становилась бессвязной и состояла из бессмысленного набора слов. Положение, наконец, сделалось совершенно нестерпимым, и департамент полиции уступил и разрешил перевести в психиатрическое отделение Николаевского военного госпиталя в Петербурге.

Когда Похитонову сообщили о предстоящем отъезде, он не мог усвоить этого, хотя понял, что ему предстоит что-то хорошее, оно представлялось ему то в виде несметного количества миллиардов рублей, которые стекаются ему отовсюду; то в виде поклонения, которые воздадут ему все живущие и раньше жившие цари и короли; то в виде наступления царства божьего, о котором он все время бредил. Однажды при мысли об этом царствии он пришел в такой экстаз, что не хотел ждать и просил тотчас дать ему топор, чтобы раскроить черепа всем окружающим, тогда все сразу очутились бы в раю.

В феврале 1896 года Похитонова увезли из Шлиссельбурга. Двенадцать лет назад Николай Данилович вступил в каземат молодым, привлекательным человеком с любознательным и развитым умом, с живым и деятельным темпераментом. А теперь его увозили и даже обещали показать родным – в каком виде?! Это не был уже человек: разум погас, логика исчезла, ни мысли, ни чувства, ни даже правильных инстинктов».

В апреле 1897 года сумасшедший Похитонов умер.

До того времени, пока почти вся империя сошла с ума, оставалось менее десяти лет.

Победоносцев над Россией простер совиные крыла

17 октября 1888 года над империей грянул гром. Александр III с семьей и свитой возвращался из Крыма в столицу империи. Громадный императорский поезд из множества тяжелых вагонов летел с непозволительной скоростью. Состав был в два раза тяжелее, чем такой же товарный, и два паровоза везли его очень быстро, забыв о том, что на Харьковско-Курской дороге рельсы были положены легкие, шпалы – из плохого дерева, а насыпь была не из щебенки, как полагалось по проекту, и даже не из песка.

Тяжелый поезд расшатывал путь и в любой момент мог выбить рельс. Один из руководителей дороги Сергей Витте срочно и детально сообщил министру путей сообщения, что быстрое движение очень тяжелого поезда с двумя товарными паровозами почти неизбежно кончится разрушением.

Скорость императорского поезда тут же уменьшили до положенной. Император сделался недоволен и сказал приближенным: «Никто на других дорогах мне не уменьшает скорость, а на этой вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская». Инспектор движения императорских поездов А. Гаубе тут же заявил, что железнодорожный путь в образцовом порядке. Машинистам пообещали что-нибудь подарить за молодецкую езду и скорость царского поезда увеличили даже выше, чем была. Недалеко от Харькова у станции Борки в начале второго часа 17 октября на уклоне насыпи летевший на скорости шестьдесят километров в час царский поезд выбил рельсы и завалился под откос. На дороге остался только первый паровоз с поднятой правой стороной, второй паровоз почти лег набок, и за ним вповалку громоздились вагоны. 21 человек из свиты погиб и еще 36 были сильно ранены. Стенки царского вагона-столовой, где обедала царская семья, вместе с амортизационными тележками взгромодились почти друг на друга и сложились в пирамиду, на которую упала крыша. Александр III с семьей невредимые вылезли в какую-то дырку. К месту крушения подали экстренный поезд и всех отвезли на Лозовую, где отслужили благодарственный молебен.

Слухи о том, что крушение царского поезда это дело рук «Народной воли» опроверг возглавивший следствие обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената Анатолий Кони. Он доказал, что виновником не первой кровавой железнодорожной катастрофы стало Министерство путей сообщений, набитое халатностью, хищениями и жадной наживы любой ценой.

Это следствие не стало новостью для императора, хорошо знавшего, что его взорванный отец был как-то причастен к безобразному воровству у казны и плохому строительству железных дорог с их концессионными махинациями, хотя, кажется, и не знал высказывания военного министра Д. Милютина: «Остается только дивиться, как самодержавный повелитель восьмидесяти миллионной людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия». Поезд Александра II уже сходил с рельс у Жмеринки, но все обошлось, и царь со свитой пешком пришел на станцию. На станции Бирзула Александра II вообще забыли и отправили поезд без самодержца. Император никого не наказал, говорят, по добродушию характера.

В ноябре А. Кони доложил Александру III о результатах следствия. Он сказал, что по царскому приказу состав был перегружен и шел слишком быстро с чрезвычайной нагрузкой на рельсы, что участок дороги Тарановка – Борки находился в аварийном состоянии, что при строительстве дороги украли все, кто мог, и все, что мог, что насыпь была из запрещенного шлака и что шпалы были гнилые. Кони не забыл сказать, что по распоряжению Его Императорского Величества были отключены тормоза, потому что царя раздражал тормозной звук. Прокурор нарисовал Александру III впечатляющую картину выдачи железнодорожных концессий, хищничества правления дороги, растления служебного персонала казнокрадством, попу-

стительства министра путей сообщения. Царь спросил, кто виновен в крушении и Кони ответил: «Сплошное неисполнение всеми своего долга, из-за бюрократического устройства наших центральных управлений, стоящих очень далеко от действительной жизни».

Решение по делу, как обычно у царя, неформально принимал обер-прокурор Синода Константин Победоносцев. Несколько человек сменили чиновные кабинеты, министр путей сообщения стал членом Государственного совета с сохранением министерского оклада, кто-то получил выговоры. Александр III наложил резолюцию на доклад Победоносцева: «Как? Выговор – и только? И это все? И это все? Удивляюсь! Но пусть будет так». Царь и сам говорил, что «министр внутренних дел может быть, и понимает, что докладывает, но я его не понимаю; министр путей сообщения не сам не понимает, ни я его не понимаю». При предпоследнем царе все высшие государственные посты в империи заняли члены императорской семьи и чиновники-сановники, умевшие только приближенно прислуживать. Казнокрадство уже давно в монархии стало нормой – кто тронет родственников и друзей царя всяя Руси? Революционное подполье регулярно и подробно в газетах и прокламациях рассказывала подданным о сиятельных мздоимцах. Время правления Александра III совершенно справедливо называли контрреформами. Царь восстановил предварительную цензуру, ввел сословные принципы в школах и вузах, отменил автономию университетов и ввел институт земских начальников. Александр III восстановил превосходство дворянства перед народом и не стеснялся сказать: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» он лишил независимости земства, установил контроль над судопроизводством, увеличил русификацию присоединенных к империи западных белорусских, украинских и польских земель. Победоносцев готовил многие императорские решения и написал Александру III с 1881 по 1894 год почти четыреста писем с рекомендациями. Контрреформы власти отправили в оппозицию почти всю интеллигенцию империи, которой овладело неверие в наличии у самодержавия здравого смысла. Революционеры стали называть империю «тюрьмой народов». Александр III в трезвом уме и твердой памяти сам включил взрыватель колоссальной бомбы, которая вскоре подорвала всю династию вместе с империей, которая во главе с императорами на всех парах летела в кровавый 1917 год.

Главным органом государственного управления империи при Александре III, как, впрочем, и в течение всего XX века, стало Министерство внутренних дел. В августе 1880 года в его недрах был создан в виде почти отдельного ведомства огромный Департамент полиции, которому, как и градоначальникам, подчинялись обычная полиция, корпус жандармов и охранные отделения.

Каждый город империи был разделен на большие части и меньшие кварталы и околотки. Главой полиции в крупных городах был обер-полицмейстер, в губернских – полицмейстер. Им подчинялись частные приставы, квартальные и околоточные надзиратели, городовые и постовые-стражники. Уездную полицию возглавлял исправник, которому подчинялись стантовые приставы и урядники. В ведении полиции были все преступления, кроме политических, правонарушения, охрана общественного порядка, все уголовные и гражданские дела, контроль за точным исполнением населением верноподданнического долга, за правильным производством дел, преследование беглых и военных дезертиров, контроль за сбором податей, правильностью строительства, состоянием дорог, сохранением добрых нравов, прекращение ссор, драк, буйства, донесение по начальству о чрезвычайных происшествиях, истребление опасных хищных зверей, контроль за уборкой урожая. Полиция осуществляла гласный, негласный, временный и пожизненный надзор за ссыльными, не имевшими права менять места жительства.

Департамент полиции стал центральным органом по заведованию общей полицией, политическим сыском и надзором. Его главной частью стал Особый, позднее Политический отдел. Главной задачей Департамента полиции было предупреждение и пресечение всех видов преступлений. В его ведении находились полицейские учреждения, корпус жандармов, охранные

отделения, адресные столы и пожарные команды. Общее руководство Департаментом полиции и корпусом жандармов осуществлял товарищ-заместитель министра внутренних дел, непосредственно Департаментом руководил директор, которому подчинялись девять делопроизводств и особый отдел.

Первое делопроизводство, распорядительное, заведовало общими делами и личным составом. Второе делопроизводство, законодательное, заведовало составлением полицейских инструкций, циркуляров, законопроектов. Третье делопроизводство, важнейшее и секретное, заведовало всеми делами политического розыска: надзором за политическими партиями и организациями, наблюдением и борьбой с ними, а также с массовым движением, руководством всей внутренней, гласной и негласной, и заграничной агентурой, охраной царя, отпуском средств на агентов; давало справки о политической благонадежности, заключения по уставам различных обществ и клубов. Четвертое делопроизводство наблюдало за ходом политического дознания в губернских жандармских управлениях, осуществляло надзор за рабочим и крестьянским движением, за деятельностью легальных обществ, организаций, земств и городских органов самоуправления. Пятое делопроизводство ведало гласным и негласным надзором. Шестое делопроизводство следило за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ, за фабрично-заводским законодательством, выдачей справок о политической благонадежности лицам, поступившим на государственную и земскую службу. Седьмое делопроизводство наследовало функции Четвертого делопроизводства по наблюдению за дознанием по политическим делам. Восьмое делопроизводство заведовало сыскными отделениями, органами уголовного розыска. Девятое делопроизводство заведовало делами, связанными с войной, контрразведкой, надзором над военнопленными.

С 1 января 1898 года важнейшие дела Третьего делопроизводства были переданы в особый отдел. Он ведал внутренней и заграничной агентурой; вел негласное наблюдение за корреспонденцией частных лиц и членов императорской семьи и высших сановников государства, подозреваемых в нежелательных связях; наблюдал за политическим настроением во всех слоях общества, за деятельностью политических партий и всевозможных организаций, вел регистрацию произведений нелегальной печати, ведал политическим розыском.

У Особого, а затем Политического отдела было семь отделений. Первое занималось общими делами и перепиской. Второе ведало эсерами, Третье – большевиками и меньшевиками, Четвертое занималось буржуазными организациями национальных окраин России, Пятое разбирало шифры, Шестое занималось следствием, Седьмое выдавало справки о политической благонадежности.

В ведении Департамента полиции находилась особая агентура, гласная и негласная. Департамент имел особый денежный секретный фонд, не подлежащий государственному контролю.

С 1880 года Корпус жандармов перешел в ведении Департамента полиции МВД, хотя шефом корпуса стал лично министр внутренних дел. Во всех губерниях и краях империи существовали жандармские управления, руководившие политическим сыском в регионах, и ведение следствия по государственным преступлениям и политическим делам. В 1880 году большие жандармские дивизионы стояли в Петербурге, Москве, Варшаве, сто двадцать три команды располагались в крупнейших городах империи, жандармский полк и лейб-гвардии жандармский эскадрон находились в армии. Жандармы боролись с массовым рабочим и крестьянским движением, осуществляли сыск революционных организаций, сопровождали особо опасных арестантов, осуществляли внешнее оцепление, вели поимку беглых и рекрутов, собирали сведения и готовили царские доклады о настроениях различных сословий. В жандармерии и в полиции, и в охранных отделениях офицеры получали двойное жалование.

Охранные отделения были созданы в Петербурге в 1866, в Москве и Варшаве – в 1880 годах. К началу XX века существовали почти тридцать охранных отделений, местных органов

Департамента полиции, ведавших политическим надзором и сыском. «Отделения охранения общественной безопасности и порядка» формально входили в состав канцелярии полицмейстеров и градоначальников, но в то же время сохраняли все права самостоятельного учреждения, подчиняясь Департаменту полиции. С начала XX века охранные отделения сосредоточились на розыске революционеров, которых для проведения следствия передавали жандармам. Их основной задачей являлся политический сыск революционных организаций и революционеров. Непосредственный арест и дознание по собранным охранными отделениями материалам осуществляли жандармские управления. Отделения имели обширную специальную агентуру – агентов наружного наблюдения, филеров и секретных агентов, сотрудников, сексотов в «обследуемой зоне».

Основной частью каждого охранного отделения была канцелярия, подразделявшаяся на несколько столов. Отделения имели филиалы на всех почтах, вокзалах, которые назывались отделениями секретной цензуры, или «черными кабинетами», ежегодно перлюстрировавшими десятки тысяч частных писем подданных. Гением охранных отделений, создавших их сеть по всей стране, стал полковник Сергей Зубатов, в тридцатилетнем возрасте ставший начальником Московского охранного отделения, в 1902 году возглавивший Политический отдел Департамента полиции МВД, что и привело его к самоубийству в марте 1917 года.

Охранные отделения и Департамент полиции неоднократно предупреждали Зимний дворец, что в феврале 1917 года в империи грянет революция и их доклады, кажется, даже просматривали. В самые первые дни Февральской революции перед зданием Департамента полиции МВД день и ночь горели костры из документов, фотографий, политических дел, в самом Департаменте почти все шкафы были взломаны, некоторые службы полностью уничтожены. 4 марта 1917 года указом Временного правительства политический сыск в империи был упразднен и только поэтому многочисленные неуничтоженные материалы Особого, Политического отдела дошли до нашего времени.

За время правления Александра III по политическим делам преследовались почти тридцать тысяч подданных, из которых многие были народовольцами. По суду осуждены были только пятьсот человек, но почти двадцать тысяч человек были осуждены и сосланы без всякого суда, административно.

С сентября 1881 года Александра III охраняла «собственная Его Величество охрана» во главе с генералом Петром Черевиным, которому подчинялись сотни сотрудников секретной части, дворцовой полицейской команды, гвардейцев почетного конвоя и железнодорожной инспекции. Всю свою жизнь Александр III прожил под усиленной охраной, находившейся с ним во время всех выездов, расставленной во всех царских резиденциях и парках. Охранники постоянно проверяли все императорские чердаки, допуская туда только трубочистов, пожарных и мастеровых в сопровождении. С чердаков резиденций агенты наблюдали за округой. Агенты стояли во всех коридорах и у всех подъездов, всех входов и выходов. Агенты следили за подвалами, за печами, чтобы царь случайно не угорел. Всех рабочих, входящих по делу во дворец, агенты тщательно осматривали, все посетители сопровождалась до места встречи. Контроль за охраняемой территорией велся тотальный. Александр III говорил, что ему «тошно и невыносимо гулять и кататься при такой обстановке». Царь каждый вечер сообщал Черевину, что он будет делать на следующий день и кто будет с ним встречаться и сопровождать. В его поезде обычно были салон-вагон для царя и семьи, вагон-буфет, кухня, багажный, для свиты, для прислуги. Каждый раз Александр III просил своего верного начальника охраны не говорить, куда и когда он едет. Царь всегда и везде заботился о своей личной безопасности. Железную дорогу из Петербурга в Москву во время императорских поездок могли охранять десятки тысяч солдат. Улицы городов, по которым он ехал, оцеплялись войсками, все дома обыскивались на предмет нахождения бомб и революционеров, а владельцы этих домов давали

подписку, что их жильцы не будут выглядывать в окна во время проезда царя. Агенты секретной части, агентуры, должны были по всему маршруту царя знать всех временных и постоянных жильцов домов, гостиниц и меблированных комнат, следить за всеми случайными прохожими, и у подозрительных устанавливать место жительства и личность. На содержание царской охраны из казны тратились очень большие суммы в десятки тысяч рублей. Царских охранников даже расселяли жить в домах по царским маршрутом, давая им команду обращать особое внимание на живущих в подвальных этажах, в фасадных квартирах, на предприятия и лавки, знакомится с прислугой жильцов, хозяевами лавок, трактиров, с дворниками и швейцарами домов на царском маршруте, на любые в них строительные работы. Агенты охраны под видом полицейских вручали прописываемым в этих домах жильцам их паспорта, проверяя их по приметам известных революционеров. Если во время царского проезда на маршруте были случайные прохожие, агенты должны были находится у них сзади и справа, чтобы успеть схватить при покушении, блокировать всех прохожих с сумками, узелками, проверять людей на скрытые под одеждой твердые предметы. Подобных агентов на нескольких маршрутах были сотни. Когда царь уезжал в Крым или в Финляндию на отдых, многие из агентов прикомандировывались к охранным отделениям, где изучали фотографии и приметы революционеров, их приемы и методы борьбы, занимались джиу-джитсу, выполняли филерскую работу. На Александра III могло быть покушение только 1 марта 1887 года, но в напряжении он находился почти всегда.

Все главные нити слежения за империей с конца XIX столетия находились в охранных отделениях, должностные инструкции которых четко определяли, как бороться с инакомыслящими:

«Главным и единственным основанием политического розыска является внутренняя, совершенно секретная и постоянная агентура, и ее задача заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличения их членов для привлечения судебным порядком.

Все остальные силы и средства розыскного органа являются лишь вспомогательными, к которым относятся:

1. Жандармские унтер-офицеры и полицейские надзиратели в розыскных органах, которые, как официальные лица, производят выяснения и допросы, но секретно, под благовидным предлогом.
2. Агенты наружного наблюдения, или филеры, которые, ведя наружное наблюдение, развивают сведения внутренней агентуры и проверяют их.
3. Случайные заявители, фабриканты, инженеры, члены МВД, фабричная инспекция и прочие.
4. Анонимные доносы и народная молва.
5. Материалы, добытые при обысках, распространяемые прокламации, революционная пресса.

Следует всегда иметь в виду, что один, даже слабый секретный, находящийся в обследуемой среде, даст несоизмеримо больше материала, для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором могут официально вращаться заведующие розыском. То, что даст общество, всегда станет достоянием розыскного органа, через губернатора, прокуратуру, полицейских чинов, с которыми постоянно соприкасаются заведующие розыском. Поэтому, секретного сотрудника, находящего в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может».

В период правления Александра III в 1881–1894 годах всемогущая имперская демократия в полном объеме смогла осуществить любимое ей государственное давление на подданных. Чиновники, сановники, вельможи, дворяне в своем большинстве любые изменения в управлении воспринимали как покушение на идею российской государственности, отдавая первенство

государству, а не человеку. Попытки привести государственный строй империи хоть в какое-то соответствие с требованиями времени давно закончились, и в стране началась эпоха контрреформ, попытавшаяся исторической паузой остановить время. Победоносцев всеми силами отстаивал незыблемость самодержавия.

Теперь любого подданного арестовать, без суда сослать на пять лет и навсегда, судить военным судом. Даже губернаторы могли закрывать газеты, журналы, заводы, фабрики, лавки, университеты, институты, приостанавливать работу земств и городских дум. Александр III по команде Победоносцева изменил городское самоуправление, земства, суд, образование и печать.

В городах вдруг почти не стало выборов, и расширились правительственные полномочия, естественно, в ущерб городскому самоуправлению. Новое городское положение 1892 года ввело высокий имущественный ценз, сокративший число избирателей в три раза. В документе не стало главного раздела, что городские думы и управы действовали самостоятельно. Городской голова, председатель городской думы, утверждался царем и генерал-губернаторами, а не населением. Низшие сословия были вытеснены из управления дворянством.

Земство, как система местного всесословного самоуправления в уездах, фактически перестало существовать. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года двух выборных земских гласных из трех могли избирать только дворяне. Имущественный ценз для избирателей был значительно повышен, крестьяне вообще потеряли право выбирать земцев. Крестьяне теперь выбирали уполномоченных выборщиков, из которых губернатор назначал гласных. В июле 1889 года было принято «Положение о земских участковых начальниках», по которому каждый уезд разделялся на земские участки без губернских и уездных городов, на которые министром внутренних дел назначались земские начальники только из потомственных дворян, владевших недвижимой собственностью и только по представлению губернатора: «Земскому начальнику принадлежит надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления, за состоянием мирских капиталов, за ссудо-сберегательными кассами и сельскими банками, утверждение приговоров сельских сходов, попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспеянии крестьян, исполнение обязанности мировых судей, дела по спорам и искам, о восстановлении нарушенного владения, о потрах». В руках земского начальника сосредоточилась вся административная власть над органами крестьянского общественного управления. Упразднились уездные крестьянские присутствия и мировые суды. Земские начальники запросто не обращали никакого внимания на общинные обычаи и традиции.

По закону «Об изменениях постановлений о присяжных заседателях» 1884 года обширные полномочия получили полицейские чины, формально назначавшие состав присяжных, ограничивалось право отвода и замены присяжных, уменьшалось их количество в губерниях, удваивался их имущественный ценз. Губернаторы получили право исключить любого присяжного из списка без объяснений. Из ведения суда присяжных были изъяты не только политические дела, но и дела о насильственных действиях против должностных лиц. Публикации в газетах отчетов о политических процессах запрещались.

В образовании была ликвидирована университетская автономия, осуществлялось возрастающее чиновное давление на демократическое студенчество и прогрессивных профессоров, свернуто женское образование, произошел фактический возврат к сословной школе. Студенчество считалось главным источником вольнодумства, республиканских идей и смут. Университетский устав 1884 года запретил все студенческие объединения, столовые, кассы взаимопомощи. Все преподаватели утверждались министром просвещения, а всей университетской жизнью руководил государственный попечитель учебного округа. Были значительно уменьшены льготы по студенческим отсрочкам от шестилетней службы в армии. Был принят вызвавший колоссальный общественный резонанс циркуляр «о кухаркиных детях», по кото-

рому ограничивался прием в гимназии «детей кучеров, поваров, прачек, лакеев, мелких лавочников и тому подобных людей, детей которых, за исключением разве необыкновенно одаренных, вовсе не следует выводить из среды, к которой они принадлежат».

В университеты, институты, гимназии сокращался прием еврейских детей. Низшие имперские сословия старались всеми силами обходить «рекомендующий циркуляр» и учили своих детей как могли и где могли.

В 1882 году были приняты «Временные правила печати», колоссально усилили цензуру, требовали раскрывать псевдонимы авторов. Чиновники могли закрыть любые газеты и журналы и лишить редакторов и издателей права продолжать свою профессиональную деятельность. В 1884 году был закрыт ненавидимый самодержавием журнал «Отечественные записки» великих Николая Некрасова и Михаила Салтыкова-Щедрина, и главным официальным органом стала газеты «Московские ведомости» Михаила Каткова, бывшего либерала, при Александре III ставшего хранителем монархических устоев. С середины 1880-х годов имперская самодержавная пирамида ничего в стране не оставляла без своего несусветного контроля. Сильная государственная власть была объявлена единственным условием самосохранения империи и общества. Всесильный обер-прокурор Синода создал идею национальной государственности империи. Западные парламентские демократии порочны, потому что идут в ногу со временем, что не совпадает с интересами всего народа. Народ сам в себе несет закон, а государство за него этот закон формулирует и следит за его исполнением. Точка зрения государства, имперской самодержавной монархии, единственно правильна и оспариваться не может. Поэтому совершенная по определению имперская государственная власть, неизмеримо высшая европейских политических моделей, прекрасно блюдет благо народа и его права. Реформы должны только следовать за жизнью, а не менять ее. Современники называли эпоху контрреформ Победоносцева и Александра III глухими, кандалными годами, болезненно-выжидательного спокойствия и затишья. Столпам самодержавия в силу их умственных способностей не приходило в голову, что прогресс невозможно остановить и жизнь все равно возьмет свое, если нужно, то с кровью. Контрреформы дали империи совершенно противоположный ожидаемому результат. Земство было настроено против самодержавия, городские буржуа требовали у него все новые и новые права, в университетах усилился дух свободолюбия, количество либеральных газет ежегодно увеличивалось, как и число либералов. Империя мертво катилась к убийственным социальным потрясениям начала XX века. В этих конкретных имперских условиях росли и воспитывались люди, которые вскоре станут вершить судьбы самодержавия и самой монархии.

Теперь все общество четко знало и понимало, что устранение самодержца не приведет к отмене самодержавия. Победоносцев и Александр III вели оголтелую борьбу против революционеров, оппозиционеров, инакомыслящих и их пособников и подстрекателей либералов, попустительствовавших подрывным радикалам. Консервативно-косные узколобые мероприятия самодержавия создавали тотальный монархический контроль государственной и общественной жизни империи. Александр III уже в 1881 году словами Победоносцева заявил, что конституции Западной Европы – это орудие всякой неправды и интриг, «непригодная для России фальшь, ведущая к нашему несчастью и гибели». Он тогда же сказал, что Россия сильна только благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию между царем и его народом.

Были выпущены законы, консервирующие общину в деревнях, затрудняющие переселение крестьянства на новые земли, ограничивались автономия Финляндии, ужесточалась антипольская политика, ухудшалось отношение к мусульманскому имперскому югу. Стабилизация самодержавия достигалась свертыванием всех прав подданных, усилением дворянства и несусветной бюрократии, стагнации общества, неконституционностью, своеволием, произволом,

дворянской, казачьей, крестьянской корпоративностью, азиатским типом государственности, в котором неправовая система управления замыкалась на монаршую волю.

Во времена Екатерины II количество чиновников едва превышало десять тысяч бюрократов. Александр III имел их почти полмиллиона. Полицейско-чиновное государство думало, что надежно законсервировало само себя, но это была неправда. В российскую историю вмешались идеи и экономика. Монархистов в конце XIX века атаковали социалисты и у любителей консервированного самодержавия больше не было никаких шансов не только победить, но и выжить.

Дело было не только в личностях царя и Победоносцева. Полууступки феодализма совсем не устраивали накатывавшийся на империю капитализм. Помещичьи имения выдыхались, крестьянские хозяйства активно расслаивались на богатых и бедных, финансы, промышленность, торговля не устраивала половинчатость самодержавия. Консервативная оппозиция заявляла: «Вот к чему привели эти реформы». На докладе М. Лорис-Меликова 1881 года Александр III написал: «Слава богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством». На вершине бюрократической пирамиды укрепились чиновники, чуждые прогрессу, науке и культуре, вдруг вынужденные считаться с реальным положением дел в экономике, в которую уже ворвался капитализм.

Крестьянская свобода 1861 года стала главной причиной слабости мужицкого земледелия. В пятнадцати нечерноземных губерниях десятки миллионов ревизских душ потеряли пять процентов, а в двадцати черноземных губерниях двадцать пять процентов земель, принадлежащих им до отмены крепостного права. На западе империи в девяти губерниях по политическим соображениям крестьяне получили земли больше, чем имели. Десять процентов крестьян получили землю щедро, сорок – хорошо и достаточно, а половина – мало. Каждый третий крестьянин с семьей после 1860-х годов обрекался на полуголодное существование. Больше всего нуждающихся в земле было в перенаселенных Петербургской, Олонецкой, Костромской, Калужской, Пермской, Смоленской, Минской, Витебской, Ковенской, Курляндской, Киевской, Волынской, Черниговской губерниях. После отмены крепостного права у крестьян резко возросла рождаемость, что еще уменьшило количество наделов на душу населения, редко превышавших три десятины на человека. Ситуация начала меняться только после 1905 года, когда на рынок было выброшено большое количество дворянских земель, но земельный голод все равно постоянно давил на быстро растущее деревенское население. Власти открыли крестьянский Поземельный и дворянский Земельный банки, и миллионы десятин начали переходить из рук в руки. В 1900 году двадцать процентов крестьян имели половину пахотных земель империи и процесс расслоения крестьянства все убыстрялся и убыстрялся. Цены на землю, доступную только сильным крестьянским хозяйством, постоянно росли и с 1893 года по 1902 год увеличились вдвое, а к 1914 году почти втрое и составляли в среднем сто тридцать рублей за десятину. Черноземье стоило намного дороже – до четырехсот рублей за десятину под Полтавой. Долги крестьян банкам постоянно росли, как и недоимки казне.

Там, где была наибольшая избыточность населения, большое количество крестьянской земли сдавалось в аренду, поскольку бедные семейства почти не могли вести самостоятельное хозяйство. Стоимость аренды почти сравнялась с получаемым от нее доходом, и безземельные крестьяне массово уходили в города на фабрики и заводы, в отхожие промыслы, на восток империи. Казна активно сдавала в аренду пашни, сенокосы, выгоны, леса, но их все равно не хватало. Богатые багатели и уходили с земли в город, не имея ни лишних рук, ни рабочего скота. Сильные хозяйства поднимали их производительность и доходность. Развитию сельского хозяйства мешали почти полное отсутствие обрабатывающей и перерабатывающей

промышленности на месте производства, отсутствие дорог и колоссальная чересполосица в совершенно причудливой форме.

Большой экспорт и рост внутреннего рынка зерна стал уничтожать натурально-хозяйственный деревенский уклад почти на всей территории империи. Богатые хозяйства увеличивали урожай, удобряли землю, использовали усовершенствованные орудия обработки земли. Безлошадные и однолошадные крестьяне продавали или сдавали землю в аренду и уходили искать покупателя на свой труд. К началу нового XX века около двух тысяч винокуренных производств перерабатывали на спирт большое количество ржи, картофеля. Триста сахарных заводов производили из свеклы почти сто миллионов пудов сахара. Крестьянские хозяйства к этому времени уже четко разделились на безземельные, мелкие, средние и крупные. Кроме сахарных и винокуренных заводов появляются маслобойни и крахмальные производства, промышленное огородничество, садоводство, табаководство. Богатые уже не хотели покупать или арендовать землю у бедных, а просто отбирали ее обманом или силой, нарушая имущественные права владельца. С начала XX века в деревне начались крестьянские беспорядки, подавляемые силой. Внешне дело обстояло вполне благополучно, но копившееся и копившееся недовольство бедной деревни клокотало все больше и больше. Голод 1891 года еще не был забыт, как новый неурожай 1900–1901 годов создал на земле невозможные условия существования. Причину голода бедные крестьяне видели в недостатке у них земли и потребовали передать часть помещичьих земель, скота, хлеба: «или отдайте, или сами возьмем». Сначала голодные крестьяне просто приходили в помещичьи усадьбы и просили хлеба и земли, потом начали их громить и поджигать. Горели помещичьи дома и поля, силой выяснялось, кому принадлежит спорная земля.

Монархия не стала выяснять причины волнений, потом нападений. Тяжелые, голодные условия крестьянской жизни она стала объяснять «злонамеренными слухами и антиправительственной пропагандой». Когда количество волнений еще выросло, самодержавие сквозь зубы заговорило, что «хозяйственное положение крестьян, переживших за последние годы несколько недородов, было не вполне удовлетворительно». Одновременно на волновавшихся крестьян бросили войска и выдрали их розгами, вымоченными в соленой воде. Казачьи нагайки исполосовали тысячи мужиков, но не выжгли крестьянскую правду. На пристрастных судах все-таки выяснилось, что волнения происходили из-за малоземелья и неурожая. Участников «беспорядков» массово осудили, на неучастников наложили контрибуцию, аграрная политика, само собой, изменена не была. Настроение крестьянства стало крайне напряженным. Оно стало самоорганизовываться и выдвигать из своей среды умелых агитаторов, хорошо учившихся у народников. Крестьяне стали интересоваться нелегальной литературой. Департамент полиции доложил в Зимний, что все волнения носят социальный характер и что после судов крестьяне молчат, никому не перечат, о прошлом не говорят и никого не выдают: «Подавленные беспорядки могут повториться в иных местах. Ограничиваться одними репрессиями невозможно. Население прикрывало собой всю введенную в его среду преступную литературу, затаив в себе все внушенные ему мысли и идеи».

То, о чем мечтала «Народная воля», с помощью капитализма и самодержавия, стало быстро совершаться в крестьянстве, но на Зимний дворец полицейский доклад не произвел ни какого впечатления, и все осталось по-старому.

Монархия разослала по империи циркуляры, чтобы губернаторы на сходах предостерегали крестьян слушать агитаторов, и мужики даже в неволновавшихся губерниях узнали, что в империи были волнения и действовали агитаторы. В обществе отметили, что самодержавный циркуляр дал работу крестьянской мысли. Волнение 1903–1904 годов охватили уже большее количество губерний, чем год назад. Крестьяне уже не ходили в усадьбы и к земским начальникам. Они бойкотировали помещиков, отказывались от работы, требовали изменить их заработки. Начались убийства самых одиозных помещиков, взаимное раздражение и ненависть

быстро росли, опять горели усадьбы, хозяйственные постройки, мельницы, крестьяне вывели свой скот на помещичьи поля и стали сечь помещиков розгами. Самодержавие назначило Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, но чиновники не стали слушать сельскохозяйственных экспертов, а просто лихо освоили бюджетные деньги, выделенные на создание губернских и уездных комитетов для выяснения сельских нужд. Общество само показало Зимнему дворцу то, что вызывает крестьянские волнения – малоземелье, бюрократический гнет, финансовая эксплуатация, высасывающая все мужицкие доходы. Монархии было все равно, и весной 1905 года деревню охватило массовое волнение, вместе с городскими восстаниями начавшее первую русскую революцию.

Локальные крестьянские волнения со своими конкретными нуждами и целями охватили большую территорию и превратились в грозное движение. Департамент полиции доложил Зимнему, что за несколько лет крестьяне умственно выросли, изменилась их психика, они стали глубже относиться к жизни и острее чувствовать житейскую неправду. Монархия мобилизовала несколько сотен тысяч крестьян на русско-турецкую войну и обучила их обращаться с оружием. Одновременно малоимущие хозяйства были лишены так необходимых им рабочих рук, поскольку богатые крестьяне откупились от призыва. Крестьяне быстро делились на батраков, зажиточных и середняков. Батраки стали говорить, что источником их социального гнета является частное землевладение.

Начались массовые самовольные вырубки лесов и потравы помещичьих лугов, затем самовольные сенокосы и уборки хлебов, запашки помещичьей земли, потом погромы усадеб, поджоги господских домов. Дворян грабили бедняки, середняки и богатые, которые на своих лошадях увозили больше всех остальных. Крестьяне выкуривали помещиков и захватывали их земли. Быстро распространялись сельскохозяйственные забастовки. Часто волнения начинали богатые крестьяне, увлекая за собой бедняков и середняков, больше всех остальных захватывал чужое, помещичье имущество. Зажиточное крестьянство грабило помещиков и одновременно защищало свою частную земельную собственность.

Трехлетние волнения 1905–1907 годов, наконец, были подавлены очень жестокими карательными экспедициями. Психология ненависти крестьянства к самодержавию, в наглой форме подчеркивавшему бесправное и полурабское положение десятков миллионов крестьян империи, было организовано именно к 1907 году. Через десять лет социалистическое «право на землю всех и каждого в отдельности» в империи было реализовано без учета мнения самодержавия. Раздражение крестьянства против монархии стало заменяться ненавистью именно в 1880-х годах, названных безвременными и глухими. Крестьянство быстро готовилось к участию в революции, которую должны были проводить рабочий класс и интеллигенция, в соответствии с планом Исполнительного Комитета 1880 года. Промышленный переворот 1890-х годов в России успешно создал этот рабочий класс, во всем мире названный пролетариатом.

В 1865 году подданные империи получили законодательное право на торговлю и промыслы. Аристократы, дворяне, купцы, мещане, рабочие, крестьяне получили свободу предпринимательства и право заниматься производственной и коммерческой деятельностью. В стране быстро создавалось сословие промышленников, открывались заводы, фабрики, банки, акционерные общества, торговые дома, газеты, издательства. Все больше и больше людей занимались предпринимательской деятельностью. Торгово-промышленная буржуазия к концу правления Александра III владела тысячами фабрик, заводов, мастерских, большинство которых возникло в 1880-1890-х годах. К тому времени число рабочих в империи достигло уже несколько сотен тысяч человек.

В 1882 году была создана Инспекция труда, которая ввела восьмичасовой рабочий день для подростков, запретила детский труд и работу ночью женщин и подростков. Одновременно с этим за участие рабочих в стачках и забастовках назначалась шестимесячная тюрьма. К этому времени забастовочное движение в империи стало принимать массовый характер.

В январе 1885 года тысяча ткачей фабрики Тимофея Морозова в Орехово-Зуево, во главе с оставшимися на свободе членами созданного в 1879 году Степаном Халтуриным «Северного рабочего союза» Петром Моисеевым и Лукой Ивановым, остановили мануфактуру и выдвинули политические требования: «Полное изменение условий найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону». Рабочие разбили контору и квартиру хозяина, в Орехово-Зуево были введены войска, арестовавшие шестьсот ткачей.

Через месяц на ткацкой фабрике началась вторая Морозовская стачка, продержанная четырьмя тысячами прядильщиков и ткачей Твери. Опять войска в бастующих городах произвели массовые аресты и в мае 1886 года в Петербурге начался суд, на который монархия решила допустить журналистов, чтобы выставить бастовавших рабочих заговорщиками и бунтовщиками.

Лучшие имперские адвокаты во главе с Федором Плевако показали Морозовскую стачку как справедливое возмущение рабочих произволом и угнетением их фабричными хозяевами и поддерживающими заводчиков властями. На суде все узнали об отсутствии нормальных условий ткачей, об изношенном оборудовании, неотапливаемых цехах, ненормированном рабочем дне, о грубых постоянных нарушениях на фабрике техники безопасности, о массовых злоупотреблениях фабричного начальства. Адвокаты назвали ткачей белыми неграми, а виновниками стачки тех, «кто забыл, что и рабочие – тоже люди с правами на сколько-нибудь сносное человеческое состояние». Суд присяжных оправдал всех сто подсудимых ткачей, и это вызвало колоссальный общественный резонанс, показавший, что ткачам сочувствовали почти все работавшие подданные. Под влиянием стачек монархия в 1886 году издала первый в империи фабричный закон:

«Расплата с рабочими вместо денег купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами воспрещается.

Воспрещается взимание с рабочих платы за врачебную помощь, за освещение мастерских, за пользование при работах для фабрики орудиями производства.

Подстрекавшие к стачке подвергаются заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев, а остальные участники – заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев. Прекратившие стачку по первому требованию полиции рабочие от наказания освобождаются. Повредившие или уничтожившие заводское и фабричное имущество, а также имущество лиц, служащих на заводе и фабрике, подвергаются заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев.

За самовольный отказ от работы до истечения срока найма виновный в том рабочий подвергается аресту не свыше одного месяца. За умышленное повреждение или истребление сложных и ценных орудий производства виновный в том рабочий подвергается аресту до одного дня.

Надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернских присутствий по фабричным делам, чинов фабричной инспекции и полиции.

Губернские присутствия по фабричным делам образуются под председательством губернатора или вице-губернатора, прокурора окружного суда или его заместителя, начальника губернского, жандармского управления, окружного фабричного инспектора или его помощника, председателя или члена губернской земской управы и городского головы губернского города или члена местной городской управы.

На фабричную инспекцию возлагается наблюдение и контроль за исполнением фабрикантами и рабочими договоров, утверждение такс, табелей, предупреждение споров, возбуждение преследований и обвинение на суде виновных в нарушении настоящих правил.

Чины городской и уездной полиции сообщают фабричной инспекции обо всех случаях нарушений порядка и благоустройства на фабриках и заводах и оказывают инспекции должное содействие.

Фабричное управление обязано вести именной список рабочих с указанием в нем места жительства и возраста каждого из них, а также установления, из которого ему выдан вид на жительство.

Нарушением порядка на фабрике признаются: несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с нее; несоблюдение правил обращения с огнем; несоблюдение в помещениях чистоты и опрятности; нарушение тишины на работе шумом, криком, бранью, ссорой, дракой; непослушание; приход на работу в пьяном виде; устройство игр на деньги. Взыскания за отдельные нарушения порядка не может превышать одного рубля».

С имперским государственным строем, консервируемым самодержавием весь XIX век, все быстрее и быстрее вступали в непримиримый конфликт не только родившаяся капиталистическая экономика, сельское хозяйство и промышленность. Большие проблемы были и в имперской армии. Выдающийся военный теоретик, реформировавший русскую армию после позорной войны 1904–1905 годов с Японией, А. Редигер писал о военном управлении при Александре III, любившем говорить, что у России только два верных союзника, ее армия и флот: «До 1884 года служба моя шла крайне удачно. Я быстро попал в Генеральный штаб, рано получил кафедру в Николаевской академии, рано попал в полковники. Но тут наступил перелом. Во время царствования императора Александра III в военном ведомстве царил страшный застой и его последствия были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, способные люди не выдвигались, а утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда, двигаясь по линии, получали назначения по старшинству, добивались до высших должностей, то они же мало отличались от массы посредственностей. Этой ужасной системой объясняется ужасный состав начальствующих лиц как к концу царствования Александра III, так и впоследствии».

Выдающийся военный теоретик М. Драгомиров, начальник Николаевской академии Генерального штаба, писал во «Всепоподданнейшем отчете за 1893 год»:

«Считаю долгом снова доложить, что людей и лошадей армия получит своевременно и в нужном количестве лишь в том случае, если соответствующие распоряжения гражданских властей окажутся вполне разработанными и законченными. Между тем эти распоряжения едва ли даже оцениваются должным образом по их значению гражданскими учреждениями.

Сравнительно слабая подготовка крупных войсковых начальников требует отборного корпуса офицеров Генерального штаба и не может привлекать лучших сил. Энергичные и подготовленные люди будут искать применение для своих сил там, где их будут более ценить.

Отсутствие этих сил скажется, что особенно важно, не теперь, а тогда, когда нельзя будет поправить дело. Дай Бог, чтобы мои предположения были ошибочны, но, к сожалению, они будут верны, если теперь же не будут приняты соответствующие меры.

Нынешние большие армии во время войны могут жить лишь подвозом с баз по железной дороге. Между тем в составе войск в мирное время не состоит железнодорожных войск».

В русско-японскую и Первую мировую войны сотни тысяч крестьян в солдатских шинелях погибли из-за тупости и наплевательского отношения к их жизни высшего военного командования. Вместе с крестьянами, рабочими, быстро революционировались и имперские солдаты.

Исполнительный комитет «Народной воли» своей кровью написал план российской революции: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим, самоуправление – земствам, а для реализации этих задач – создание массовой революционной партии, которая должна поднять восстание рабочих в городах, поддержанное армией и крестьянством». Количество рабочих, военных и крестьян, ненавидевших самодержавие, стабильно увеличивалось. Оставалось создать массовую революционную партию, которая поднимет грозное знамя погибшей «Народной воли». Этому активно способствовала монархия, думавшая, что разгромила отчаянный Исполнительный Комитет и тысячи пособников. Вера Фигнер писала о Шлиссельбургской тюрьме образца 1880-х годов:

«Жизнь среди мертвой тишины, которая обволакивает тебя, проникает во все пор твоего тела, в твой ум, в твою душу. Все перепутывается, все смешивается. День длинный, серый похож на сон без сновидений. Так живешь, что сон кажется жизнью, а жизнь – сном. Чудятся люди, замурованные в каменные мешки. Звучит тихий-тихий, подавленный стон, и, кажется, что это человек задыхается под грудой камней. В душе лишь одно здоровое место, и оно твердит: мужайся, Вера, и крепись; вспомни весь народ русский, как он живет, вспомни подавляющий труд, жизнь без света радости; вспомни унижение, голод, болезнь и нищету! Будь тверда! Не плач о неудачах борьбы, о погибших товарищах. Не бойся! За этими глухими камнями невидимо присутствуют твои друзья. Ты не одна.

День походил на день, неделя – на неделю, месяц – на месяц. Из всех людей остались лишь жандармы, для нас глухие, как статуи, с лицами неподвижными, как маски. Камера скоро превратилась в мрачный ящик: асфальтовый пол выкрасили черной масляной краской; стены вверху в серый, внизу – в почти черный цвет свинца. Каждый, войдя в такую перекрашенную камеру, мысленно произносил: «Это гроб!» и вся внутренность тюрьмы походила на склеп. Сорок наглухо замкнутых дверей, за которыми томились узники, ходили на ряд гробов, поставленных стоймя. Ни одна весть не должна была ни приходить к нам, не исходить от нас. Ни о ком и ни о чем не должны были мы знать, и никто не должен был знать, где мы, что мы. «Вы узнаете о своей дочери, когда она будет в гробу» – сказал шеф жандармов Оржевский моей матери. В Шлиссельбург привозили не для того, чтобы жить. У нас не было никого и ничего, кроме друг друга. Не только люди, но и природа, краски, звуки – все исчезло. Вместо этого был сумрачный склеп с рядом таинственных замурованных ячеек, в которых томились невидимые узники, зловещая тишина и атмосфера насилия, безумия и смерти.

В карцере оставалось ночью лежать на некрашеном асфальтовом полу в пыли. Я была в холщовой рубашке, в такой же юбке и арестантском халате в нетопленной, никогда не мытой и не чищенной небольшой камере и дрожала от холода. Невозможно было положить голову на холодный пол, не говоря уже о его грязи. Чтобы спасти голову, надо было пожертвовать ногами: я сняла грубые башмаки, и они служили изголовьем. Пищей был черный хлеб, старый, черствый. Когда я разламывала его, все поры оказывались покрытыми голубой плесенью. Есть можно было только корочку.

Мрачная драма, достойная суровой эпохи средневековья, совершилась в пятидесяти верстах от столицы культурного государства. Там, в Шлиссельбурге, отрезанный от всего мира, узник не мог поднять голоса в свою защиту и быть услышанным. Грачевский протестовал, чтобы предстать перед судом, чтобы описать положение тюрьмы, а если его не казнят, посадят на цепь и будут мучить, то он сожжет себя керосином. Отчаявшись во всем, и потеряв, наконец, всякую надежду предстать на суде, но, желая во что бы то ни стало, предать гласности все муки и надругательства, павшие на долю ему и его товарищам, он 26 октября 1887 года выполнил свой замысел.

Обширная камера коридора – настоящий зал для заседаний инквизиции. Ряд темных дверей, запертых семью замками. Они стоят мертвые и неподвижные, замкнутые так, будто им не суждено раскрыться никогда. Угрюмая темнота и сырость. Сумрачные темные фигуры

жандармов странно колышутся в пустоте, как тени или зловещие призраки палачей или наемных убийц.

Внезапно происходит смятение. Все задвигалось, заволновалось. Отчаянно дергают ручку проволоки от звонка, давая сигнал тревоги. Камера номер 9 Михаила Грачевского заперта. А там за дверью, во весь рост стоит высокая худая фигура с матовым лицом живого мертвеца, стоит и темнеет среди языков огня и клубов копоти и дыма. Огонь лижет человека своими красными языками, огонь сверху донизу, со всех сторон. Горит факел, и этот факел – живое существо, человек!

Наконец, дверь отперта. Камера в дыму, в огне, запах керосина и гари. В середине по-прежнему человек. Сгорели волосы, догорает одежда и падает. В клубах дыма померкла мысль, в пламени огня погасло сознание. Несколько стонов глухих, подавленных, – и человек умер.

Мы потеряли право носить свои фамилии и стали просто номерами, казенным имуществом. Его надо было хранить, и это соблюдалось: одних хоронили, других хранили. В коридоре стоял большой шкаф, в котором лежали револьверы, заряженные на случай похищения этого казенного имущества, попытки извне освободить узников.

С мужчинами-заключенными мстительный жандармский смотритель Соколов – Ирод обращался отвратительно, подвергая зверским избиениям за прекословие и неповиновение. Его бессердечие сказывалось, когда, замурованные в свои кельи, беспомощно умирали мои товарищи. Короткое официальное посещение врача поутру и общий обход смотрителя в обычные часы вечером – вот в чем состояло все внимание к умирающему. После агонии следовал воровской унос покойника из тюрьмы, тайком, чтобы мы не заметили. В камеру, из которой вынесли умершего, жандармы продолжали заходить, делая вид, что вносят пищу, и с шумом хлопали дверью, чтобы показать, что никто из нас не выбыл.

Если мы делали попытку стучать, жандармы, чтобы не допустить этого, хватали полена и принимались неистово бомбардировать наши двери, поднимая невероятный шум.

В декабре 1890 года в Шлиссельбург привезли Софью Гинзбург, пытавшуюся собрать рассеянные остатки «Народной воли», и по распоряжению Департамента полиции, чтобы изолировать от нас, поместили в одну из камер старой тюрьмы. Гинзбург только 38 дней смогла вынести суровые условия такого заточения и зарезалась ножницами, которые ей дали для шитья белья.

То, что по отношению к нам, народовольцам, реакционные заправила, Департамент полиции, МВД руководствовались местью, сомненья быть не могло. Даже Николай I не умерщвлял своих узников голоданием, не сводил их в могилу путем медленного физического истощения. Они были мстительны, эти Дурново и Плеве.

Народоволец, пехотный офицер Лаговский попал в Шлиссельбург без суда в 1885 году административным порядком по распоряжению министра внутренних дел на пять лет, за найденный у него рецепт нового взрывчатого вещества. Окно его камеры на нижнем этаже находилось как раз против тюремных огородов. Лаговский прыгал на подоконник на высоту своего роста и, уцепившись за раму, открывал форточку в окне. Видеть друг друга могли только те, которые гуляли, и Лаговский хотел видеть товарищей, гулявших около его окна. За это его уводили в карцер, надевали смирительную рубашку и однажды связанного с такой силой бросили на пол, что он в кровь разбил себе лицо. Наступил день, когда его пятилетний срок кончился. В его камеру вошел комендант с бумагой, в которой министр внутренних дел оставлял Лаговского за «дурное поведение» еще на пять лет в Шлиссельбурге».

Александра III не готовили в наследники имперского трона. Его учителя отмечали у него некоторую ограниченность интересов, упрямство, усидчивость и старание. Он так и не научился грамотно писать и всю жизнь писал с грубыми ошибками, например, «инергия», или «грыбы». В 1865 году после смерти старшего брата Николая двадцатилетний Александр стал

цесаревичем и его любимым учителем и наставником навсегда остался Константин Победоносцев. Ни первое, ни второе российское общество совсем не обрадовало. Будущего Александра III многие воспринимали как заслуженного солдафона, прямолинейного человека средних умственных способностей и скудного образования. Его учитель политики говорил товарищам: «Как жаль, что государь не убедил его отказаться от своих прав. Я не могу примериться с мыслью, что он будет править Россией!» Среди шести сыновей Александра II его называли «бульдозжика» и считали, что государственная деятельность ему совершенно не по плечу. Члены династии признавали полную неподготовленность Александра III к престолу, а современники писали, что после встречи с ним приходили «в полное отчаяние, не слыша от него ни одной живой мысли, ни одного дельного вопроса». Автор даже его официальной, но так и не законченной биографии Сергей Татищев писал: «В нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения. Учение давалось ему, особенно на первых порах, нелегко и требовало серьезных усилий с его стороны». Один из учителей граф Б. Перовский докладывал Александру II, что его второй семнадцатилетний сын не хочет или не может понять, что учение не состоит только в просиживании определенного числа часов: «во всех предметах мы вынуждены заниматься такими вещами, которые преподаются только детям, и он смотрит на это с самой ребяческой точки зрения».

В апреле 1865 года император дал своему сыну Александру чин генерал-майора и назначил атаманом казачьих войск. Его подготовку сравнивали со слабой гимназической и наставники пытались научить его государственной деятельности. Александра Александровича называли прямым, честным, искренним, добрым, нечестолубивым человеком, но для имперского трона этого было мало, особенно упрямому наследнику со статичным мышлением. В октябре 1866 года будущий Александр III женился на невесте покойного брата, датской принцессе Дагмаре, ставшей Марией Федоровной.

Современники говорили о том, что Александр III не обладал большим и острым умом, но ограниченным человеком не называли, считая его образование ординарным. Победоносцев читал ему лекции о том, что русский царь – это заступник всего народа, его отец и покровитель, говорил, что именно царь лучше всего знает, что нужно империи и ее подданным, что хочет народ и как этого добиться. Победоносцев в письмах императору не раз говорил, что для осуществления царской политики не нужно останавливаться перед насилием, жестокостью произволом. Земледелец и марксист Г. Плеханов писал, что при Александре III лозунгом стали слова «Россия для русских», что на деле означало передачу всех внутренних и внешних дел в руки русских фабрикантов. При его воцарении на имперский престол в марте 1881 года Иван Тургенев писал под псевдонимом во французских газетах, что на великого государя Россия рассчитывать не может: «Все, что о нем можно сказать, это то, что он русский и только русский. Его весьма близкие отношения с ультранациональной партией говорят на известное недоверие к конституционалистам. Общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся еще долго чуждыми России».

Александр III стал великим московским князем в Петербурге и выбрал вместо европейского шоссе российскую дорогу с рытвинами и ухабами, по которой поехал как самодержавный царь-бабушка. Победоносцев тут же заткнул рот всем критикам режима абсолютизма обвинением в узурпации абсолютных прав монарха, что означало политическую неблагонадежность и конец государственной службы.

Новый император провозгласил, что устои монархии незыблемы и необходимо усилить контроль над всей социальной жизнью. Вместе с Победоносцевым царь яростно верил в самодержавие без ограничений, власть воспринимал как собственность и был чудовищно высокомерен на официальных мероприятиях. Свою резиденцию Александр III устроил в Гатчине и общество во главе с высшей аристократией сразу назвало его «гатчинским пленником». Он совсем мало читал, не любил газеты и предпочитал устные доклады, часто был недоволен рабо-

той министров. Его система правления быстро вошла в конфликт с имперской интеллигенцией, и весь интеллект страны стал к нему в оппозицию. Им возмущались студенты, и не из-за отсутствия Учредительного собрания, а за запреты жизненно необходимым совсем не богатым людям столовые, библиотеки, научные беседы. Лицом царствования Александра III стал трехликий Янус в лице Победоносцева, Каткова и Мещерского.

Занимавший одну из ключевых должностей в империи Константин Победоносцев возглавлявший четверть века идеологию и политику в государстве, пытался формировать общественную мысль. Он не выносил инакомыслия и любил поступать несправедливо, особенно с людьми иного, чем он, вероисповедания. Победоносцеву очень не нравились неправославные конфессии и религии. Он говорил и Александр III с ним соглашался: зачем какие-то реформы, когда все хорошо, войны нет, на границах спокойно, экономика развивается. Обер-прокурор совершенно спокойно заявлял: «Россию нужно подморозить, чтобы она не гнила». У него не было какой-то прогрессивной и даже позитивной программы, государственного проекта, только неограниченное самодержавие и национальная промышленность. Иностранные послы в докладах начальству называли его анахоретом, из-за которого в России «много разумного не находит себе дороги».

Михаила Каткова тоже называли «серым кардиналом империи Александра III, оказывавшем на него сильное влияние. Журналист и издатель Катков руководил журналом «Русский вестник» и газетой «Московские ведомости», которые называли «трубами реакции». В. Белинский называл его «Хлестаковым в немецком вкусе с зелеными стеклянными глазами». Талантливый, умный, эрудированный, начитанный, властный, самолюбивый и честолюбивый Катков в обществе называли «цепной собакой правительства». Он особенно любил заниматься проблемами образования, инициировал принятие драконовского университетского устава и боролся с «конституционными мечтаниями» либералов.

Князь – рюрикович Владимир Мещерский на деньги Александра III много лет редактировал крайне правую газету «Гражданин», дружил с царем и от всех до единого современника получил имя наглеца, негодя и подхалима. У него пропали миллионы бюджетных денег, выданные на создание ремесленного училища в честь умершего первого сына Александр II, но на Александра III это впечатления не произвело. В своей «газете патриотического направления» Мещерский писал; «Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русскому мужику – так ему нужны розги. Если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ». Мещерский как самовольный рупор консервативной идеологии царя пытался быть его глазами и ушами, передавал Александр III подробности событий и интриг в империи, излагал свое мнение об устройстве и политике России, об императорских министрах. В «Гражданине» Мещерский писал, что его цель: «объединить и скрепить нас, бедных, бродячее стадо приверженцев серьезного монархического русского начала, и сделать из нас силу против нигилизма». Мещерский пытался создавать в обществе идеологическую атмосферу борьбы с либералами и реформистами, но добился обратного результата. Даже спокойный Николай Лесков заявлял, что «при заступничестве Мещерского за власть хочется чувствовать себя бунтарем».

Перестановки в правительстве Александра III вызывали недоумения общества, особенно раздраженного его родственниками-министрами и сановниками, редко обладавшими необходимыми для должностей качествами. Талантливый царский реформатор Сергей Витте писал о том, как становятся имперскими министрами: «Чтобы занять в России министерский пост, совершенно необходимо: смолodu быть известным государю; принадлежать к одной из сильных придворных партий, угождая ее во всем; по месту воспитания, роду службы или другим отношениям принадлежать к тому обществу, из которого берутся люди на высокие должности; иметь такое состояние, чтобы жить наравне со всеми министрами; исполнять со всей покор-

ностью все, чего пожелает государь и, даже предугадывая его желания, приводить их в исполнение».

Интеллигенция перестала верить в наличие в самодержавной монархии здравого смысла и при Николае II тысячами пошла в революционные партии. Почти двадцать лет прослуживший послом Германии в России генерал Ганс фон Швейниц, обладавший колоссальными связями среди высших имперских чиновников, придворных, журналистов, писал: «Иногда устаешь писать о России, а еще более читать различные статьи о ней, где нет и следа поиска той объединительной героической силы, могущей противопоставить себя процессу разложения, происходящему в крупнейшем государственном организме мира. Над восьмидесятимиллионным народом глумится несколько сот тысяч бюрократов. Чернь терпеливо сносит такое положение, да и общество не торопится выразить свое презрение».

С древнейших времен автономность имперских университетов от высшей власти сохраняла в них свободу мысли и высокий уровень образования. Новый император и Победоносцев объявили университеты рассадниками опасных революционных идей, отменили их автономию и подчинили чиновникам-попечителям, командовавших от царского имени. Теперь Победоносцев контролировал не только учебный процесс, но и благонадежное содержание лекций. Вольнодумных студентов предполагалось ссылать в солдаты.

Высшие женские курсы в Петербурге и Москве, Киеве и Казани были объявлены «настоящей клоакой анархической заразы» и «скоплением девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы», и закрыты. Столпы самодержавия объявили опасным для общества самостоятельность образованной и работающей женщины. Были закрыты и Женские врачебные курсы, поскольку «эмансипация женщин способствовала развращению молодежи». Только в 1890 году возобновился прием на значительно измененные Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге.

В гимназиях, училищах и школах основное внимание стало уделяться порядку, дисциплине, благопристойности, воспитанию послушания. Недовольные исключались из учебных заведений без возможности дальнейшей учебы. Из библиотек были изъяты «неправильные книги». «Циркуляр о кухаркиных детях» сильно ограничил доступ к учебе детям простого народа. Плата за обучение резко возросла и многим низшим сословиям стала не по карману. Министерство народного просвещения занялось открытием начальных церковноприходских школ, учивших детей только элементарному минимуму.

Разгром образования в империи вызвал возмущение во всех сословиях, но Зимнему было все равно.

Александр III очень не нравилась несменяемость судей, и он изменил судебные уставы 1864 года. Суд присяжных царь отменить не смог из-за поднявшейся бури протестов в обществе, но права судов были очень ограничены. Мировые суды были вообще упразднены.

Введением института земских начальников царь лишил земства независимости и сделал их органами государственной власти. Общественного самоуправления в империи больше не было. Были сильно урезаны права городских дум. Столпы самодержавия считали, что правительство имело очень слабое влияние на местное управление и устранило этот недостаток. В империи больше не действовал принцип всесословности. Стремительно сокращавшееся дворянское сословие получило неограниченные полномочия.

Функции, отобранные у земств, не были переданы в другие ведомства. Земские больницы не финансировались, лекарств и перевязочных материалов не хватало, врачи уезжали, и разразившаяся весной 1893 года холера быстро убивала подданных в Петербурге, Орле, Поволжье. Распространению эпидемии в империи способствовал голод 1891 года, антисанитарные условия жизни, отсутствие гигиены и недоверие населения к медицине, особенно к прививкам. Для борьбы с холерой не хватало ни средств, ни квалифицированных специалистов. Кто-то начал

распространять в забитом народе слухи, что в эпидемии виновны евреи, которые хотят убить всех русских, и в еврейских местечках начались кровавые погромы. Современники писали, что из холерных губерний сбежали чиновники во главе с губернаторами, лекарства отсутствовали, трупы лежали на улицах, а больных спасали добровольцы и студенты-медики. В эпидемии винили, конечно, отвечавшее за все самодержавие.

Правительство всеми силами удерживало крестьян в общине. Хорошо работавшие крестьяне платили налоги и кредиты за всю общину, в которой и прибыль делилась поровну. Неурожай 1881–1882 годов обрек крестьянство на полуголодное существование, увеличив цену хлеба вдвое.

Хлеб был одним из главных экспортных товаров и в обществе говорили, что он продается за границу под лозунгом «Недоедим, но вывезем». Засуха 1891 года почти убила урожай, но хлеб продолжали экспортировать, хотя для 125 миллионов подданных его явно не хватало. Спекулянты, совместно с чиновниками, само собой, взвинтили цены, и в империи разразился голод. Только в середине октября вышел указ об ограничении экспорта зерна, но было уже поздно. Почти в двадцати губерниях крестьяне умирали с голода и правительство, наконец, собралось на совещание, выбрав почему-то для этого 31 декабря 1891 года. Министр внутренних дел доложил, что запасы имперского хлеба скупили спекулянты, которые взвинтили цены.

Монархические министры во главе с самодержцем предложили МВД попросить спекулянтов снизить цены на хлеб, чтобы люди не умирали с голоду. Министерство попросило, спекулянты, конечно, отказали. Монархия выделила средства на закупку хлеба по сумасшедшей цене, и спекулянты тут же опять подняли цены на зерно. По всей империи общество собирало пожертвования для голодающих, открывало бесплатные столовые, проводило благотворительные акции, но к умиравшим в 1891, 1892, 1893 годах с голода крестьянам Симбирской, Самарской, Саратовской, Казанской, Тамбовской, Тобольской, Уфимской губернии добавились погибавшие от начавшейся эпидемии холеры. Через год в империи началось создание массовых революционных партий, винивших в трагедии подданных царя-тирана, и объявивших о тотальной борьбе с очумелым самодержавием.

Идеологи самодержавия, среди которых выделялся бывший член Исполнительного Комитета и «золотое перо» «Народной воли» Лев Тихомиров, в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» писали, что единственно возможная власть в империи – самодержавная, потому что все русские люди привыкли подчиняться богоданному царю. Александр III – это национальный идеал, а низкий уровень жизни и свободомыслие в стране вызваны реформами его взорванного отца. Если дать всем подданным равные экономические и политические свободы, то русский народ задавят инородцы и иноверцы. Чтобы этого краха не произошло, подданным следует сплотиться вокруг имперского самодержца. Целостность России зависит от борьбы с иноверцами, внешними врагами империи, а главным лозунгом самодержавия и его политическим принципом стали слова «Россия для русских». Во многих слоях общества этот лозунг понравился, началось обсуждение отмены крепостного права, как хаоса, ведущего к гибели империи, в которой активизировалась политика русификации, названная рождавшимися революционными партиями великодержавным шовинизмом.

Национальные имперские меньшинства, поляки, евреи, все, кто сопротивлялся лишению национальной самобытности, подверглись гонениям. В обществе стали говорить о том, что монархия объявила идеалом русской самобытности поклонение лаптям, квасу и самовару. Все прогрессивное и интересное у других народов презирилось, особенно у немцев, поляков, евреев, финнов и мусульман. По всем окраинам империи русский язык внедрялся в делопроизводство, газеты, школы, университеты, институты, русским давали большие права, чем местным жителям. В империи шла явная дискриминация по национальному признаку, и Польша и Прибалтика заволновались. Либеральные газеты печатали материалы против притеснения

других народов, а революционеры называли империю «тюрьмой народов». Польский язык в Варшавском университете стал преподаваться на русском языке. Инициатору этого идиотизма царь дал за отлично-усердную службу орден Александра Невского, но добиться полного обрусения поляков, конечно, не смог. В знак протеста русская интеллигенция Привисленского края открыто заговорила по-польски.

Александр III лишил Финляндию конституции и очень хотел ликвидировать ее автономию. Финляндское княжество потеряло Сенат, казну, почту, и страна забурлила. Александр III объявил, что «финляндский край состоит в собственности и державном обладании Российской империи». В Прибалтику, Финляндию, Польшу ввели дополнительные контингенты войск, но их требовалось все больше и больше, потому, что царская администрация на окраинах стала известна во всей стране жестокостью, насилием, произволом и обманами. На протестантских пасторов, католических священников заводили сотни уголовных дел по статьям, наказывавшим ссылкой в Сибирь, конфискацией имущества, лишением прав наследства, запретом на профессию.

Александра III называли в обществе юдофобом. При нем в империи участились еврейские погромы, потому, что якобы «жидовский заговор» сбил с истинного пути Александра II, и якобы евреи виновны за неблагополучие русского народа. За участие в погромах наказывали мягко и символически. Александр III считал, что евреи прокляты за распятие Спасителя и поэтому заслуживают наказания, как Вечный Жид, обреченный на вековые скитания за то, что он не дал кров Иисусу Христу. Во «Временных правилах о евреях» царь установил для них черту оседлости, запретив жить за пределами выделенных им местечек. Через два года была объявлена еврейская квота на учебу в высших учебных заведениях империи в Москве и Петербурге 3 процента, в других городах – 5 процентов.

В Европе шли митинги в защиту прав евреев в России, либералы посылали царю ходатайства. На обращения царь внимания не обращал, а на ходатайства писал, что «если судьба евреев печальна, то она предназначена Евангелием». С протестом против имперского антисемитизма выступили Л. Толстой, В. Короленко и многие другие писатели и общественные деятели, но его даже запретили публиковать. В стране были созданы националистические организации «Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа» и гонения на евреев увеличились. Десятки тысяч евреев были выселены из Москвы, из крупных городов, с побережья Балтийского и Черного морей. Александр III успешно подкладывал бомбу под свое самодержавие. Он твердо верил, что его деятельность пойдет на благо империи.

Царь-Миротворец приказал готовить десант для захвата Стамбула, чтобы занять черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Когда Александр III приехал с проверкой десанта в Севастополь, генералы смогли доказать самодержцу, что армейское вооружение устарело, боеспособность армии очень низка, грамотных офицеров совсем мало, и вместо победного марша по Стамбулу будет имперский позор. При нем из заряжаемого десятидюймового орудия прямо под царские ноги вывалился снаряд и чудом не взорвался. Александр III отказался от десанта и приказал готовить русско-турецкий договор. Необходимо было приводить в порядок армию, и это было дело не одного года. Турция договор так и не подписала, наверно ждала, когда это произойдет.

В имперской экономике были большие проблемы. В состоянии кризиса и постоянного отставания находились промышленность, сельское хозяйство, финансы, железные и шоссейные дороги, внешняя торговля, уровень жизни подданных. Вся экономика держалась на вывозе хлеба и полезных ископаемых, рубль в Европе считался чуть ли не самой дешевой валютой. Денег у населения было мало, и с 1881 года началось закрытие фабрик и заводов, сокращение рабочих мест. Газеты писали о малоземелье, безденежье, отсутствие кредитов, уменьшение

спроса, возрастающей дороговизне, банкротстве банков. Кризис начал преодоляться только с 1886 года.

Были увеличены налоги на наследство и богатых, на акции и банки. В 1887 году отменили давно устаревшую подушную подать. Значительно повысились таможенные пошлины на импортные товары. В ответ Германия и Франция подняли таможенные сборы на импортируемый ими русский хлеб, экспорт которого из империи резко уменьшился. Россия довела таможенные пошлины на импорт до одной пятой их стоимости и имперская промышленность стала активно развиваться, чтобы удовлетворить все возрастающий спрос на внутреннем рынке.

Банки стали давать ссуды и кредиты под небольшие проценты, финансировать железнодорожное строительство. Из крестьянской среды начали выходить талантливые предприниматели, создававшие акционерные общества и строившие новые фабрики, заводы, мастерские. Министерство финансов попыталось ликвидировать огромный дефицит государственного бюджета с помощью правительственных монополий. Были значительно увеличены винный, табачный, сахарный, нефтяной налоги, контролировались железнодорожные тарифы. Империи тут же завалили фальсифицированные товары. Рубль пошел вверх и бюджетный дефицит значительно уменьшился.

В империи, благодаря быстро растущей стараниями раскрепощенных подданных экономике, появились состоятельные слои купцов, промышленников, финансистов из представителей всех сословий. Появилось много инженеров, технических специалистов, высококвалифицированных рабочих. Бизнесмены и финансисты получили или заработали деньги, но не имели политических прав и реальной власти. В империи появившаяся буржуазия перенимала не только западный экономический опыт, но и быт, стиль, социальные знания, даже привычки. В России, в которой появились телефон и электричество, все активнее заявляли о себе купцы и разбогатевшие крестьяне, создававшие торгово-промышленные династии, среди которых прославились торговые дома Елисеевых, Абрикосовых, Шустовых, Морозовых, Мамонтовых. Третье сословие не только платило огромные налоги, но и вкладывало деньги в науку, помогавшую им зарабатывать деньги. Капитализм все резче и сильнее вступал в конфликт с все еще почти феодальным самодержавием. Как сквозь стену проламывались промышленники и купцы к прогрессу через косность монархии, не хотевшей ничего менять.

Труд «Рефлексы головного мозга» Ивана Сеченова совершил переворот в психологии и психофизиологии. У него уже было мировое имя, но монархия ему хода не давала, потому что тридцать лет назад он несколько раз встречался с государственным преступником Н. Чернышевским. Только в 1892 году признанный всем миром ученый получил звание профессора, конечно, не в столичном Петербурге, а только в Москве. Когда через два года он с другими ведущими профессорами попросил московского генерал-губернатора отпустить арестованных ни за что студентов, великий князь Сергей Александрович пригрозил его уволить за «сеяние революционных научных идей среди молодежи».

Гениального Д. Менделеева, открывшего периодическую систему химических элементов, поднявшегося над облаками на сделанном им самим воздушном шаре, конструктора арктического ледокола, военного инженера, члена Лондонского королевского общества, Французской академии наук, Немецкой академии наук, почетного профессора многих европейских университетов академиком в России не выбрали. За то, что в 1890 году он поддержал требования студентов о свободе мыслей, Менделееву пришлось уйти из Петербургского университета. Пятнадцать лет до самой смерти великий ученый прослужил хранителем в конторе мер и весов, из которой смог создать Главную палату мер и весов.

Подобные проблемы были у выдающегося физиолога К. Тимирязева, его великолепного ученика И. Мичурина, на свои деньги создавшего свой изумительный сад новых сортов пло-

вых и ягодных деревьев и кустарников. Он сумел создать науку о генетике растений, но только после 1917 года.

Великий физиолог Иван Павлов даже не получил кафедру в Петербургском университете и вынужден был уехать в Париж, где и получил Нобелевскую премию.

Выдающегося микробиолога и иммунолога И. Мечникова уволили из Одесского университета за то, что он был знаком с народовольцем, и он был вынужден уехать за границу, где до конца жизни работал руководителем Пастеровского университета, став Нобелевским лауреатом.

Замечательный математик Софья Ковалевская не могла по закону получить высшее образование в России и тайком училась у Сеченова. Она уехала в Европу и получила высшее образование в Гейдельберге и Берлине. Ее работы вошли в учебники математики и астрономии всего мира, она стала в первой в мире женщиной – доктором философии, но не в России, а в Германии. Она вернулась в империю, но ни в один университет или институт ее не взяли. Она уехала за границу, там и умерла профессором Стокгольмского университета, получив премии Французской и Шведской академии наук. Из-за консервированного самодержавия, с удовольствием душившего свободу мысли, многие гениальные и талантливые русские ученые и исследователи покидали империю и прославляли науку за границей.

Павел Яблочков не смог получить денег на свои опыты с электричеством, уехал в Париж и на заводе Брге изобрел свечу накаливания, первую даже в виде собственных инициалов. Его лампы освещали Париж, города Франции, Англии, Германии, Испании. Яблочков хотел внедрить свое изобретение в России, но ему даже не ответили. В Париже в собственной мастерской он создал динамоэлектрическую машину, автоаккумулятор. Изобретший лампу накаливания А. Лодыгин так и не смог ее внедрить в империю, которая через шесть лет предпочла покупать такие же лампы Т. Эдисона.

Александр Попов создал первый в мире радиоприемник и 7 мая, ставшего потом Днем Радио, провел его успешное испытание. Из-за тупости Военного министерства он вынужденно уступил первенство итальянцу Г. Маркони.

Основателю космонавтики Константину Циолковскому не дали денег для изготовления все ведомства, включая Генеральный штаб. Из-за нехватки денег он переехал из Москвы в Калугу, где разработал пути развития космонавтики. Монархия заявила, что его труды несвоевременны.

За пятнадцать лет до американцев крестьянин Федор Блинов изобрел гусеничный трактор, показал его на всероссийской промышленной ярмарке в Нижнем Новгороде, получил за него грамоту, и на этом, само собой, все закончилось.

Великий писатель Н. Салтыков-Щедрин описал Александра III эзоповым языком в сказках «Медведь на воеводстве», «Топтыгин II» и «Топтыгин», как тупого и грубого медведя. Сказки запретили, журнал «Отечественные записки» закрыли, но Салтыкова-Щедрина все равно читала вся империя. Отношение самодержавия к подданным великолепно показал Николай Лесков в рассказе «Левша». Льва Толстого консерваторы называли лукавым бесом, смущающим людей. Он спасал народ от голода, в 1891 году открыл двести столовых в деревнях, и открыто заявлял, что народ голодает из-за чрезмерной сытости господ. Толстой писал, что имперская жизнь в принципе несовместима с духовными достижениями человечества.

Благодаря купцу, меценату и коллекционеру Павлу Третьякову Россия сохранила изумительную коллекцию живописных полотен великих русских художников, по ценности не уступавшей великому Эрмитажу. Илья Репин в картине «Иван Грозный и сын его Иван» так отразил борьбу революционеров с самодержавием, что вызвал шок у имперского общества. Александр III запретил показывать картину в российских городах, потому что она могла негативно повлиять на подданных. Самодержавие успешно законсервировало себя, но не импе-

рию, по которой широко распространялись социалистические идеи, несмотря и благодаря действиям монархии, которой только казалось, что страна успокоилась. Общество не хотело прощать Александру III произвола и всеобщего отупения и пропасть между Зимним дворцом и интеллигенцией увеличивалась с каждым годом. Ни разу Александр III не ответил на обращения к нему великих писателей, ученых, подчеркивая сумеречность своей эпохи. Надежд на счастливую народную жизнь в империи мирным путем у подданных больше не было. Жесткой системе запретов на все и навсегда во главе с сумбурной волей монарха было безразлично, что твориться в душах подданных. Александр III заполнил счет, который революция предъявило его сыну. Даже сдержанный Антон Чехов в тихой ярости писал: «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски. Мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст». Известный в Европе английский журналист Эмиль Дилон, долго живший в России, прекрасно знавший русский язык, писал в своей работе об Александре III:

«Между искренними, но недалекими людьми в правящих сферах, с бесчестной, жадной кликой бесчестных хищников, стоит человек, которого нельзя отнести ни к одной категории. Это царь Александр III, обреченный судьбой играть на исторической сцене роль, к которой он совершенно непригоден. Странная, роковая ирония судьбы – посылать народам таких людей именно в такие моменты их жизни, когда сложность положения требует высшего напряжения ума и воли, к каким только может быть способен человек. Александр III при всей ненависти, которую мы чувствуем к нему, как к царю, внушает нам жалость, как человек.

В молодости он, по отзывам смертников, был, что называется, «добрый малый». С годами, однако, в нем начала проявляться все сильнее и сильнее резкая грубость, переходящая по временам в беспричинную ярость, когда царь напоминает взбешенного быка. Тогда он способен издать самый жестокий приказ. Те, кто утверждает, что он решительно ничего не знает о жестоких мерах и экзекуциях, производимых от его имени, глубоко заблуждается. Он, например, всей душой признает спасительный страх физической боли и отстаивает розги везде, где можно. Инициатива многих жестоких дел исходит от царя, который желает долгом подавлять порывы добродушия и сокрушает ребра всем, кого считает враждебным началом единодержавия. Свое царствование он всенародно признал «благополучным», несмотря на упадок народного хозяйства, на ряд неурожаев и холеру, и в наивности своей души обещал и впредь такое же благополучие. При виде такой ничем не прикрытой ограниченности, является невольно вопрос, можно ли предъявлять какие-либо требования этому огромному, глупому ребенку?

Окруженный толпой беззастенчивых льстецов и тесным кругом семьи, царь не имеет друзей. Он подозрителен и недоверчив и не без основания, конечно, склонен в угодливой преданности своих избранных людей видеть скорее расчет, чем искренность. Горечь разочарования, усилив природную мнительность, прибавила к его от природы не особенно великодушному характеру черты мстительности и злопамятности. Атмосфера людской симпатии отсутствует во дворце, даже в самом близком кружке царя. Вокруг него хуже, чем пустота, это скорее сгустившаяся до невероятной степени атмосфера взаимной подозрительности, недоверия и страха, в которой царь боится всех, и все боятся его.

Царь по натуре не из храбрых, что обнаружилось еще во время русско-турецкой войны. Последующие события, в особенности смерть его отца, еще усилили в нем природную трусость. Всем известно, как первое время по вступлении на престол он не выходил из задних комнат Гатчины, опасаясь даже караульных офицеров. Впоследствии впечатление страха несколько сгладилось, хотя и теперь он никуда не выезжает без тысячи предосторожностей. В Петербурге по улицам, где он проезжает, рассеяны шпионы, изображающие «народ». Если он едет вечером, по этим улицам закрывают проезд. По железной дороге он едет с еще большими предосторожностями. Для охраны линии производят настоящую мобилизацию войск, стоня целые корпуса. Пускают три поезда, совершенно одинаково составленные, идущие каждый через четверть часа, так что неизвестно, в котором из них едет «сам». Он отменил знаменитый май-

ский парад, опасаясь такой массы войск. Он боится встречи с каждым, лично ему не знакомым человеком, и в Гатчине приняты все меры, чтобы царю не попался на глаза во время прогулки незнакомец. Он избегает всяких празднеств, официальных собраний, не только из склонности к домашней жизни, но из страха, потому что в массе людей чувствует себя небезопасно.

Вследствие ошибки, или внушения, царь составляет себе убеждение, не имеющее достаточного основания, которого уже ничем нельзя поколебать, ни логикой, ни красноречием. Не стесняясь в выражениях, он искренне убежден, что говорить горькую, но несомненную правду, хотя обычно это наговор приближенных. Не будучи в состоянии уколоть обидчика булавкой, он, не задумываясь, пускает в ход дубину.

В течение двенадцати лет царь при выборе министров и ближайших советников ни разу не остановился на личности, репутация которой, как человека и государственного деятеля, была бы замарана. Вследствие этого никогда еще не было такой продажности в среде русской администрации, как теперь. Царь словно задался целью сгруппировать около себя все, что есть худшего в России. Это объясняется его неумением понимать людей. Для него не существует просто людей, а «жиды» и «не жиды», «либералы», «нигилисты», «добрые патриоты», «православные», «иноверцы».

Жестокие гонения против евреев, католиков и других иноверцев возбуждают упреки даже в среде наиболее близких царю лиц, но всякое противодействие вызывает в царе жестокий гнев и неудовольствие. Его убедили, что ряды русских революционеров пополняются преимущественно евреями, что сама идея революции внушена русскому обществу евреями. Рабская толпа сановников во главе с Победоносцевым эксплуатирует эту ненависть в своих целях и еще более раздувает ее.

Царь считает себя непогрешимым. Этот тупой и ограниченный ум, раз уверовав в божественное начало, руководящее им во всех его действиях, огражден непроницаемым щитом от всякого посягательства логики. В тысячи случаев проявляется в царе эта мания самодержавия.

Ничем нельзя так напугать царя, как бомбой, при одном упоминании о которой он впадает в изнеможение, и военным заговором, которого он боится больше, чем бомбы, и сторонится гвардии.

Хотя и смутно, но он сознает, что его божественные веления, непререкаемые для России, встречают критику и неповиновение за ее пределами. Трудность постичь мотивы действия царя, и делает его страшным и неизвестным для его врагов на международной политической арене, но и друзья относятся к нему недоверчиво и с опасением. Таков этот царь, пугало для Западной Европы, где политическая карикатура иначе не изображает его, как в образе медведя с короной на голове, человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства».

Александр III копил и копил недовольство подданных. В 1890 году Мария Цебрикова, учительница, журналистка, беллетристка, не имевшая никакого отношения к революционерам, с трудом выехав за границу, в европейских газетах напечатала работу об имперской ссылке, тягостной доле известных ей достойных людей, сосланных, заточенных, изгнанных, а также открытое письмо Александру III. Цебрикова вернулась в Россию, и в Петербурге отправила свое письмо царю и в газеты, не став прятаться даже за псевдонимом:

«Ваше Величество! Законы моего отечества карают за свободное слово. Все, что есть честного в России, обречено видеть торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избиение молодых поколений, бесправие обижаемого и засекаемого народа, – и молчать. Свобода – существенная потребность общества, и рано или поздно, но неизбежно придет час, когда мера терпения переполнится и власти придется уступить».

Русские императоры обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и миллионами, не числящими на государ-

ственной службе. Вас пугают призраком революции. Да, революция, уничтожающая монархию, есть признак в настоящем. В одних только законах, расширяющих права граждан, уничтожающих сословные перегородки, открывающих народу широкий путь к образованию и улучшению его быта, и заключается ручательство в здоровом росте России.

Не реформы прошлого царствования создали наших террористов, а недостаточность реформ. Самодержавие, как огонь, дробящийся на языки все более и более мелкие по чиновничьей лестнице, спускающейся от царя до народа, дает помазание на самоуправство, на фактическую безнаказанность. Каждый губернатор – самодержец в губернии, исправник – в уезде, становой – в стане, урядник – в волости. Прямая выгода каждого начальника – отрицать и прикрывать злоупотребление подчиненного. Губернатора содержит кто-нибудь из крупного дворянства, имеющего связи в министерстве и при дворе, или местный денежный туз, дающий наживу аферам, которыми не брезгуют и высокопоставленные особы. Исправнику свяжут руки землевладельцы, дружащие с губернатором, а уряднику – те из местной земщины, которые нужны уряднику или становому. У народа нет связей, отводящих всех этих юпитеров. Еще Александр I сказал, что честные люди в правительстве случайность и что у него такие министры, которых он не хотел бы иметь лакеями. Жизнь миллионов всегда будет в руках случайности там, где воля одного решает выбор.

Везде где люди, есть зло. Все дело в мере, в большем или меньшем просторе для его разгула. Как же можно, Ваше Величество, не зная близко народной жизни, брать на такую совесть такую меру? Или Вы верите, что помазание на царство несет с собой и всеведение божества?

Гласность суда теперь урезана чуть не до нуля. Отныне преступления по должности будут судимы тайно. Отнята последняя гарантия, ограждавшая большинство подданных от злоупотреблений власть имущих. Как же Вы не поймете, что тот из Ваших чиновников, кто против гласности в суде и в печати, тот находит свою выгоду во мраке и тайне. Правительство, прибегающее к безнравственным средствам, само роет себе пропасть. Произволу нет оправдания. Кто верит в себя, тот света не боится.

Как много теряет Россия оттого, что всем способностям, таящимся в народе, нет доступа к образованию. Все меры министерства народного просвещения имеют целью загасить просвещение. На пороге XX века сомнительно, чтобы такие меры могли долго упорядочивать порядок. Известный циркуляр, закрывающий гимназии для бедняков и открывающий широкий простор произволу и взяточничеству директоров гимназий, дал лишний козырь в руки террористов. Понижение уровня талантливости есть прямое последствие систематического выпалывания талантливого юношества руками государственной полиции.

Правительство одержимо боязнью допустить интеллигенцию к народу. Народ наш беден. Крупный его процент его живет впроголодь, и в урожайную пору ест хлеб с мякиной, приберегая хлеб посытнее для рабочей поры. Его избы – вонючие серые лачуги. Топить нечем. Под печкой приют для новорожденных телят, ягнят, птицы. Более половины детей умирает в раннем возрасте от плохой пищи матери, изнуренной работой, от слабости организма, или от отравления вредным воздухом. Каждая эпидемия косит массу жертв. У народа почти нет больниц. Число существующих ничтожно на миллионы человек. У безземельных батраков, число которых растет вследствие обещания крестьян, у городских рабочих нет убежища под старость. Изжив все силы на работе, им приходится умирать, где придется, под забором, в придорожной канаве.

Опыт прежних царствований и Ваш собственный должен бы был показать Вашему Величеству, что внутренняя политика преследований не достигает цели. Гонение – лучшее средство вытравлять в народе любовь к царю, к идеалу царя. Она ослабела, это замечено всеми. Вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие. За неосторожное слово, за первый подпольный, часто взятый из любопытства листок,

юноша, ребенок – государственный преступник. Бывали пятнадцатилетние, и даже четырнадцатилетние государственные преступники, сидевшие в одиночном заключении. Изломанная, озлобленная молодежь уходит в красные. Мне противна кровь, с какой стороны ее не лили, но когда за одну кровь дают ордена, а за другую – веревку на шею, то понятно, какая кровь имеет для молодежи обаяние геройства.

Все меры устрашения и исправления, начиная административной ссылкой и кончая виселицей и расстрелом, не достигают цели. Число политических преступников будет расти, потому, что воображение молодежи свывается со ссылками, с казнями, потому, что в корне государственного порядка и общественного строя лежат причины, рождающие политические преступления. Правительство, охраняющее себя безнравственными средствами, административной ссылкой, сонмами шпионов, розгами, виселицей и кровью, само учит наших революционеров принципу: «цель оправдывает средства». Там, где гибнут тысячами жертвы произвола, где народ безнаказанно грабится и засекается, там жгучее чувство жалости будет всегда поднимать мстителей.

Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраний, полная гласность суда, образование, широко открытое для всех способностей, отмена административного произвола, созыв земского сбора – вот в чем спасение. Мера терпения переполняется. Будущее страшно.

Вы самодержавный царь, ограниченный законами, которые сами издаете и отменяете, ограниченный еще более не исполняющим эти законы чиновничеством, которое Вы сами назначаете. Одно Ваше слово – и в России переворот, который оставит светлый свет в истории. Если Вы захотите оставить мрачный след, Вы не услышите проклятий потомства, но их услышат дети Ваши, и какое страшное наследство передадите Вы им!»

Открытое письмо монарху Марии Цебриковой газеты, конечно, не напечатали, но этот протест обычной подданной широко разошелся по империи. Письмо не захотевшей молчать женщины вызвало восхищение в России и Европе, одобрение многих известных общественных деятелей в мире. Из-за этого резонанса Марии Цебриковой дали только три года лишения свободы и запрет затем проживать в больших городах. Совсем скоро империю ожидали не открытые письма подданных, а массовые забастовки, демонстрации и вооруженное восстание, сменившееся революцией. Колоссальное давление самодержавие на подданных в 1880-х, 1890-х годах сменилось политикой ее небывалых уступок подданным в 1900-х годах, но было уже совсем поздно.

В обществе подробно обсуждали то, как Александр III правил огромной страной и ста миллионами подданных, и это правление не лезло ни в какие ворота. Царь приказал министру финансов объявить бумажный рубль равноценным золотому. Министр финансов сказал, что это невозможно. Император объявил, что требует этого со всей ответственностью. Министр попытался объяснить царю, почему по приказу бумагу нельзя объявить золотом, и Александр III пришел в ярость. Во время плавания по Черному морю царь спросил у капитана своего судна, сколько часов плыть до Севастополя. Капитан ответил, и император приказал приплыть туда вдвое быстрее. Капитан попробовал объяснить царю, что это технически невозможно, и Александр III пришел в ярость. Все в империи ее заслуженного конца понимали, что царь может быть образцом семейных добродетелей, идеалом буржуа, но если в результате его самодержавных действий миллионы людей не только несчастны, но и должны погибнуть, такой царь не может быть владыкой, а только обыкновенным подданным. Император, находясь в здравом уме и трезвой памяти, собственной самодержавной рукой написал на докладе одного из губернаторов, сожалевшем о малом количестве грамотных людей в его губернии, резолюцию, о которой революционеры рассказали империи: «И слава Богу». Совсем скоро десятки тысяч людей подробно рассказали десяткам миллионов подданных, что так жить в самодержавной империи нельзя и научили их грамоте. При этом в резне и бойне Первой мировой и Граждан-

ской войн от пуль, ран и эпидемий погибло двадцать миллионов граждан бывшей Российской империи.

В октябре 1894 года император Александр III умер в Крыму от нефрита, вызванном, по мнению многих современников, малоподвижностью. Он оставлял огромную страну сыну, которого сам считал явно не готовым к государственной деятельности. Империя ждала добрых и хороших перемен. Сидевшая уже десять лет в ужасающей Шлиссельбургской тюрьме Вера Фигнер писала: «Волна возбуждения прошла среди нас: наверное, будет амнистия, быть может мы увидим свет. Тюремная администрация была уверена, что Шлиссельбург опустеет. Не зная ничего о том, что происходит на свободе, произошла ли коронация или нет, и, видя, что никаких перемен у нас нет, мы с течением времени перестали чего-либо ждать».

Перемены в империи все-таки произошли, Вера Фигнер до этого дожила и увидела, как кончаются империи.

Серое время и смена караула

В соответствии с утвержденными в 1889 году правилами об отдаче студентов в солдаты, в последний год XX столетия министр просвещения империи Боголепов отправил в казармы ни за что, а официально за беспорядки, более двухсот студентов Киевского и Петербургского университетов. В знак протеста несколько студентов-солдат покончили жизнь самоубийством и это очередное беззаконие властей возмутило все общество. Бывший студент Дерптского университета, также исключенный из него не за что и учившийся за границей Петр Карпович из Берлина вернулся в Петербург, записался на прием к министру Боголепову и прямо в приемной министерства 14 февраля 1901 года застрелил главного виновника расправы со студентами. За семь лет нового царствования империя настолько изменилась, что Карповича, как обычно, не казнили. В стране уже открыто говорили, что до всеобщей революции осталось пять лет. И многим столпам самодержавия уже мерещилось, что и им придется ответить за свои действия перед возбужденным народом. В марте Карповича отправили на двадцать лет в Шлиссельбургскую тюрьму и никто в полицейской империи не мог предположить, что обычный приговор медленной смерти не будет приведен в исполнение.

Студенчество России открыто назвало Петра Карповича Смелым Соколом и желающих отправлять студентов в солдаты ни за что и даже за что среди министров больше не нашлось. Убийство выполнявшего приказ самодержавия министра в обществе называли самоотверженным делом, а на Карповича при перевозке на тюремный остров жандармы даже побоялись надеть кандалы. Его камера оказалась рядом с камерой Веры Фигнер. Невменяемых строгостей 1880-х в Шлиссельбурге больше не было и замурованные народовольцы впервые за пятнадцать лет узнали от Карповича все подробности жизни страны и Европы. Вера Фигнер писала: «Его радостные вести оживили наши души. Рабочий класс промышленного пролетариата приближался к западноевропейскому типу. Объединенный, он с шумом выходил на общественную арену, требовал улучшения своего экономического положения, организованно выступал в стачках, охватывавших десятки тысяч рабочих, и на улицах городов демонстрировал свою грядущую силу. Возросшая численно молодежь высших учебных заведений, раньше разбегенная, теперь была объединена по всей России и, составляя одно целое, поднимала бунт против полицейских порядков государственного строя, державшего университеты в тисках. Волна студенческого движения непрерывно перекатывалась по лицу земли русской, заканчиваясь сотнями арестов и тысячами высылки. В каждом городе существовали нелегальные типографии, издавались революционные листки, прокламации и газеты. На место каждой арестованной тотчас появлялась новая типография и агитация продолжалась с новой энергией и силой. При благой вести, принесенной Карповичем, всколыхнулись наши души».

Комендант Шлиссельбурга ужесточил давление на замурованных народовольцев. Вера Фигнер написала матери письмо с просьбой обратиться в Департамент полиции или к самому министру внутренних дел и рассказать, что народовольцы требуют расследования. По закону смотритель должен был отправить письмо Фигнер, но, конечно, этого не сделал и потребовал у «этой ужасной женщины» переписать текст. Фигнер заявила, что смотритель нарушает закон, но хозяин тюрьмы объявил, что лишит ее права переписки и восстановит в Шлиссельбурге ужасающий режим 1880-х годов.

На глазах всей тюрьмы Жанна д'Арк русской революции сорвала со смотрителя офицерские погоны и отшвырнула их в стороны. Псевдоофицер в растерянности убежал, а в тюрьме поднялась буря. Вера Фигнер попросила тишины и стала ждать казни, полагавшейся ей за погоны по внутренней инструкции.

Из Петербурга приехал следователь и Фигнер заявила ему, что хотела предать издательства смотрителя гласности. Следователь допросил всех тюремщиков, рассказавших ему

о побоях, лишениях прогулок, смиренных рубашках узников и обо всем том, что может сделать облеченный властью подонок с бесправными узниками. Следователи уехали, и вскоре сменили коменданта и смотрителя Шлиссельбурга. Притихшие тюремщики больше не говорили о своей любимой тюрьме, что «Сюда входят, а отсюда выносят», а Фигнер из двадцатилетнего номера 11 сразу превратилась в Веру Николаевну. Все вдруг поняли, что самодержавие испугалось казнить и даже наказывать гордость Исполнительного Комитета «Народной воли» и в империю пришли другие времена. Вера Фигнер писала:

«За четыре недели я пережила так много, и пережитое было такое жгучее, такое острое. Надо было приготовиться умереть или быть заключенной в какой-нибудь каземат в полное одиночество. Надо быть готовой и твердой, как камень, надо быть камнем. Мне кажется, что я умираю: тяжелая могильная плита давила грудь, холод камня с внешних покровов пробирается внутрь. Я чувствую, как постепенно все глубже и глубже стынут ткани тела и понемногу замерзают сами внутренности. Я просыпаюсь с криком, и непроизвольные слезы орошают подушку. И так тяжелые дни и мучительные ночи, опять они, эти мучительные ночи. Душа за двадцать лет не умерла и скорбь переполняет ее. Все время я ждала военного суда и чувствовала себя перед лицом смерти. Все время ждала ее, готовилась к ней. Ведь надо было быть готовой, чтобы в свое время не дрогнуть»

Все изменилось за семь лет в империи. Оставшиеся в живых члены Исполнительного Комитета «Народной воли» увидели, что теперь их не тридцать четыре, и не триста сорок, а тридцать четыре тысячи и триста сорок тысяч. Вера Фигнер объявила из мертвенного Шлиссельбурга – «Лишь в действии познаешь силу свою!» Империя правильно испугалась ее казнить, но никак не могла понять, что скоро поменяется с революцией местами. Лозунг городских 1904 года «Тащить и не пущать» не изменился, и царя в 1902 году уже называли Его Императорское Величество.

Восемнадцатый и последний Романов оставил о себе противоречивую память как человек и ужасную – как государь. Николай II мог, но не захотел менять в своей судьбе ничего. Его правление пришлось на время, когда все, что веками копилось и кисло в котле под названием Россия, должно было вырваться наружу. В двадцать шесть лет он стал править огромной страной, полной контрастов и противоречий, конфликтов и трагедий. Роль последнего императора в гибели империи была очень заметной, но все же не решающей. В его правление действовали два выдающихся российских государственных деятеля, Сергей Витте и Петр Столыпин, которые могли изменить ситуацию в стране из революционной на эволюционную. Одного он снял, другого почти отстранил от управления империей, потому что оба были намного талантливее его. Более пятидесяти великих князей династии Романовых служение России представляли как исполнение собственных желаний, страстей и амбиций. Их любимым занятием были интриги и развлечения. Император тратил много времени на улаживание постоянно возникающих скандалов, в которых были замешаны его родственники. Государственная казна весь XIX век была неиссякаемой кормушкой для многих представителей Дома Романовых. Удельное ведомство владело почти десятью процентами имперских земель, приносящих миллионные доходы, но их совсем не хватало на многочисленные причуды династии. Все великие князья получали сумасшедшие пожизненные ренты на жизнь, резиденции и по всякому поводу, состояли на всевозможных высших постах империи, на которых получали умопомрачительное жалованье, числясь одновременно командующими округами и гвардейскими полками, генералами, адмиралами, членами Комитета Министров, Государственного совета, государственных комиссий, президентами академий. Они постоянно участвовали в аферах, спекуляциях, разворовывали концессии, бюджетные деньги на армию, и суммы исчислялись миллионами. Все сходило толпе великих князей с рук, решения императора не спешили исполнять даже самые верные и преданные и традиционный русский монархизм таял на глазах. Революционеры в

нелегальной прессе подробно информировали подданных о многочисленных промахах власти и случаях казнокрадства.

На всех чиновных столах лежала Статья 1 Свода основных законов Российской империи: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает». Александр III как всегда ошибочно закрепил за Победоносцевым общее руководство учебой цесаревича Николая и обер-прокурор Синода тринадцать лет вдальблывал в первого ученика империи аксиому о божественном происхождении самодержавия и о неограниченности и неприкосновенности царской власти. Не было, казалось, ни одной гадости, которой Победоносцев не сделал своей родине, но эта аукнулась миллионам подданным. Николай II скудно воображал, был самолюбив и имел высокое самомнение, но все современники как один отмечали у него равнодушие к чужому горю и беде, постоянную скрытность и двоедушие, смешанное с лицемерием, фирменные черты членов династии Романовых. Учителям было запрещено задавать цесаревичу вопросы и это было большой ошибкой преподавания. В 1897 году, на третьем году царствования Николай II написал в анкете Всероссийской переписи населения, что его звание «первый дворянин», а должность «хозяин земли русской». Хозяйничал он плохо и именно при нем самодержавная монархия прогнила насквозь. Многие исследователи считали, что роль Николай II в кровавой победе революции была слишком незначительной, чтобы он был в чем-то виноват, что на последнего царя давило окружение, навязывало непонятные решения. В обществе даже говорили, что Николай II принимает решения, подбрасывая монетку и ожидая «орла» или «решку». Считалось, что царь слабовольно прислушивается к советам дурных помощников. Причиной гибели империи и династии называли доброту и благородство последнего царя, но дело было совсем не в этом. В октябре 1894 года при вступлении в должность императора он прочитал речь, подготовленную Победоносцевым: «Мечтания об участии представителей земства во внутренних делах бессмысленны. Я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». В том же году Николай II женился на дочери великого герцога Эрнеста Гессен – Дармштадского Алисе Гессенской, ставшей Александрой Федоровной, суеверной и мистически настроенной. Она сильно влияла на мужа и в Зимнем дворце распространилась мистическая покорность обстоятельствам, перемешанная с безграничной верой в шарлатанов, которая теперь стала считаться предопределенной судьбой. Доходило до того, что революционеров пытались ловить с помощью медиумов. Николай II мистически заявлял Петру Столыпину: «Мне ничего не дается в моих начинаниях, у меня нет удачи, а человеческая воля бессильна». В отставку с тора, тем не менее, царь не подавал, а постоянно, яростно и упорно, отрицал общество и твердолобо отказывался превратить неограниченную монархию в конституционную, заявляя: «Я несу за все власти, мною поставленные, великую перед Богом ответственность и всегда готов дать ему за это ответ». В 1918 году в разыгравшейся во всей империи трагедии гражданской войны ему пришлось этот ответ дать, а вместе с ним и еще многим миллионам безвинных жертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.